

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	6
Глава I. У истоков нацизма	9
Глава II. Партия нацистов: тактика, политика, идеология	57
Глава III. Нацисты приходят к власти	102
Глава IV. Строительство «Третьего рейха»	155
Глава V. Анатомия полицейского государства	213
Глава VI. Навстречу мировой войне	239
Глава VII. В борьбе за мировое господство	299
Глава VIII. Дорога в могилу	346
Глава IX. Финал	379
Заключение	417
Примечания	422

ПРЕДИСЛОВИЕ

Немеркнущий подвиг советских воинов и миллионов тружеников в тылу навсегда останется в памяти народов не только нашей страны, но и всего миролюбивого человечества, для которого эта победа означала спасение мировой цивилизации от самой страшной опасности, когда-либо ей угрожавшей.

Победа над гитлеровским фашизмом — одна из тех исторических вех, которые определили лицо современной эпохи, развитие на многие десятилетия вперед. Эта победа привела к освобождению десятков стран от гнета и порабощения. Изменилось лицо планеты. Возникла мировая социалистическая система. Укрепились силы мира во всем мире.

Да, есть страницы истории, которые нельзя забывать в наш быстротекущий, стремительный век. К ним, безусловно, принадлежат страницы, вписанные советским народом в летопись борьбы с врагом человечества — немецким фашизмом.

Но память народов не мертвый груз воспоминаний о прошлом, не бесстрастная хроника событий. Смысл исторической памяти — в извлечении уроков из пережитого, в стремлении к тому, чтобы сделать невозможным катастрофы, обрушивавшиеся на человечество в течение многих столетий.

Знаменитый американский философ Сантаяна писал: «Народ, который не помнит своего прошлого, обречен вновь его пережить». Это высказывание надо отнести не только к народу, испытывшему двенадцатилетнюю нацистскую тиранию, но и к народам, пережившим немецкую оккупацию, потерявшим своих сыновей и дочерей на полях сражений второй мировой войны. Осмыслить прошлое хотят и те, кто сами были его свидетелями, и новые поколения людей, которые ощущают настоятельную необходимость извлечь выводы из недавней истории.

Задача настоящей книги напомнить об опасности для миллионов людей, которая таилась в победе нацизма в 1933 году, в

утверждении его власти над одним из самых могущественных государств в центре Европы и в создании специфического механизма террора и гигантской военной машины, направленной на достижение мирового господства.

Исследуя германский фашизм с его планами гегемонизма, нельзя пройти мимо зловещей фигуры, которая как бы персонафицировала все его качества — необузданность, жестокость, авантюризм, агрессивность, мимо фюрера и канцлера «коричневой империи» Адольфа Гитлера. Гитлер был поистине преступником номер один.

Принцип фюрерства был неотъемлемой частью фашистской теории и практики, ибо германский монополистический капитал стремился выдвинуть на передний план некоего идола, кумира, который помог бы ему сплотить и подчинить себе широкие массы одуроченных и одурманенных обывателей. Фанатическое преклонение перед Гитлером помогло немецким империалистам добиться осуществления своих главных целей — утвердить господство над немецким народом и перейти к агрессии против других народов Европы, да и не только Европы.

При анализе нацистского режима в Германии, его генезиса и относительной живучести бросается в глаза парадоксальное явление: неограниченная власть оказалась в руках кучки авантюристов, представлявших, как правило, отбросы буржуазного общества. К этой кучке принадлежал и Адольф Гитлер, фюрер «третьего рейха».

Парадокс этот всеми силами стараются скрыть буржуазные историки и публицисты, выпустившие десятки и сотни монографий о нацизме и о Гитлере. Вместо того чтобы исследовать вопрос о том, каким образом в XX веке в буржуазном обществе стало возможным создание нацистского режима, вопрос о том, какие силы выдвинули и поддержали Гитлера и сумели развязать фантазмагорию массового человекоистребления, фантазмагорию концлагерей, геноцида и кровавых побоищ, они пытаются поставить на котурны фюрера и его сообщников, обнаружить в них такие демонические, гипнотические, трансцендентные силы, которые объяснили бы и даже оправдали их власть над германским народом.

Феномен Гитлера в первую очередь явление социальное и политическое, связанное с глубоким кризисом того общества, которому он служил. Пороки фашизма и его фюрера были пороками этого общества, иначе они не могли бы приобрести столь всеобъемлющую социальную значимость. Именно в специфической социальной и политической атмосфере Западной Европы тридцатых годов стал возможен захват власти фашистами в Германии.

ГЛАВА I. У истоков НАЦИЗМА

Линц, Вена, Мюнхен

Политическая биография Гитлера, о которой пойдет речь на страницах этой книги, началась поздно. Первые сведения о его выступлениях относятся к 1919 году, когда ему было уже 30 лет, заговорили о нем более или менее широко лишь после путча 1923 года, т. е. на 35 году жизни. Для историка соблазнительно поэтому вовсе отвлечься от начального периода биографии Гитлера и заняться только ее последними двадцатью двумя годами, которые, в свою очередь, резко делятся на два этапа: 10 лет относятся к периоду его постепенного возвышения и овладения им командными позициями в национал-социалистской партии, а 12 лет к периоду господства в «третьей империи», когда Гитлер стал абсолютным диктатором.

Сверх того, историк, занимающийся нацистским фюрером в начале его карьеры, наталкивается на специфические трудности. Кроме официальных бумаг, в которых упоминаются имена членов семьи Гитлера и его самого, кроме нескольких скудных, записанных много позже воспоминаний, кроме мемуаров некоего Кубичека, недолгого приятеля Гитлера, вышедших в свет уже после 1945 года, и некоторых отрывочных записей людей такого же сомнительного типа, у исследователя почти нет материала. Правда, Гитлер нередко рассказывал о своей молодости в «Майн кампф» и в «Застольных беседах»,¹ и просто в беседах со своими приближенными. Но его воспоминания могут служить разве только иллюстрацией того, как он приукрашивал свою жизнь, подгонял прошлое к тому образу «сильной личности», «гения», «мудрого фюрера», который был создан им самим и его пропагандой. Это как бы спроецированная в прошлое жизнь, «модель фюрера немецкой нации», каким он должен был предстать в глазах населения «третьего рейха».

Для исследователя именно в заурядности облика Гитлера в первые тридцать лет скрывается одно важное обстоятельство:

жизнь Гитлера, его личные качества не могут служить объяснением его политической карьеры, как это пытаются изобразить, особенно в последние годы, на Западе. Феномен Гитлера не феномен личности, а феномен политический и социальный. Можно сказать, феномен машинно-бездушный, жестокой западной цивилизации, но уж никак не феномен индивидуальности.

При таком подходе начальный период биографии нацистского фюрера приобретает известное значение, и пренебрегать им исследователь не имеет права. На первый план выдвигается вопрос о том, каким образом политические и социальные процессы, а также идеологические доктрины того периода и той среды, в которой рос молодой Гитлер, воздействовали на формирование личности будущего диктатора. Развитию каких черт характера они содействовали и какие психологические свойства вызывали.

Тем самым становление личности Гитлера тесно переплетается с явными и подспудными тенденциями социального развития страны, в которой он родился, класса или прослойки, к которой принадлежал, рода, семьи и непосредственного окружения, воздействовавших на его воспитание. Именно об этом в основном и пойдет речь ниже.

* * *

Гитлер родился 20 апреля 1889 года. После 1933 года, когда фашисты захватили власть в Германии, 20 апреля, «день рождения фюрера», стал официальным праздником для миллионов немцев «третьего рейха» и сотен тысяч приверженцев фашизма в других странах. Но в то 20 апреля ничего не предвещало будущих триумфов Гитлера. Городишко Браунау, где появился на свет фюрер Германии, находится в пограничном районе Австрии на реке Инн, которая отделяет Австрию от Баварии. И хотя до австрийской столицы Вены было рукой подать — всего каких-нибудь 80 километров, — лесистые места эти считались глухоманью. И населял их полусельский, полугородской люд — мужчины либо занимались ремеслом, либо уходили на заработки в более крупные и богатые города. Молодые женщины также нередко покидали отчий кров — они поступали горничными, поварихами, а кому повезло, и экономками в богатые семьи Линца,

Граца или Вены. Ну, а потом, заработав себе на приданое, возвращались и выходили замуж. В этих бедных, стиснутых горами местечках нередко были браки между родственниками, иногда довольно близкими. На них смотрели сквозь пальцы, так же как и на внебрачных детей, в чем мы убедимся, познакомившись с родословной Гитлера.

Родословную эту проследили чуть ли не с XV века. Однако в «генеалогическом древе» семьи Гитлеров есть и «белые пятна».

До тридцатидевятилетнего возраста отец Гитлера Алоис носил фамилию Шикльгрубер, фамилию матери. В тридцатых годах этот факт обнаружили венские журналисты, и по сию пору он обсуждается на страницах монографий о нацистской Германии и о Гитлере. Талантливый американский историк и публицист Вильям Ширер, написавший книгу «Взлет и падение третьего рейха», полуиронически уверяет, что не измени Алоис свою фамилию Шикльгрубер на Гитлер, его сыну Адольфу не пришлось бы стать фюрером, ибо в отличие от фамилии Гитлер, которая своим звучанием напоминает «древнегерманские саги и Вагнера», фамилия Шикльгрубер труднопроизносима и для немецкого уха звучит даже несколько юмористически. «Известно, — пишет Ширер, — что слова «Хайль Гитлер!» стали в Германии официальным приветствием. Более того, немцы произносили «Хайль Гитлер!» буквально на каждом шагу. Невозможно поверить, что они без конца кричали бы «Хайль Шикльгрубер!», «Хайль Шикльгрубер!»

Алоис Шикльгрубер, отец Адольфа Гитлера, был усыновлен Георгом Гидлером, мужем его матери Марии Анны Шикльгрубер. Однако между замужеством Марии Анны и усыновлением Алоиса прошло ни мало ни много тридцать четыре года. Когда сорокасемилетняя Мария Анна вышла замуж за Георга, у нее уже был пятилетний внебрачный сын Алоис, отец будущего нацистского диктатора. И ни Георгу, ни его жене не пришло в голову в ту пору узаконить ребенка. Четыре года спустя Мария Анна умерла, а Георг Гидлер покинул родные места. Все дальнейшее известно нам в двух версиях. По одной — Георг Гитлер (теперь он уже почему-то превратился из Гидлера в Гитлера) вернулся в родной городок и в присутствии нотариуса и трех свидетелей заявил, что Алоис Шикльгрубер, сын его покойной жены Анны Марии, фактически является и его, Гитлера, сыном. По другой — к нотариусу с той же

целью отправились трое родственников Георга Гитлера. Согласно этой версии, самого Георга Гитлера к тому времени уже давно не было в живых. Считается, что великовозрастный Алоис пожелал стать «законным», поскольку он рассчитывал получить небольшое наследство от человека, в доме которого прожил много лет, а именно от брата своего предполагаемого отца Иоганна Непомука Гюттлера.

Алоис Шикльгрубер, он же Гитлер, был трижды женат: первый раз на женщине, которая была старше его на четырнадцать лет. Брак оказался неудачным. Алоис ушел к другой женщине, на которой и женился после смерти первой жены. Но вскоре и она умерла от туберкулеза. В третий раз он женился на некоей Кларе Пельцль, которая была моложе мужа на двадцать три года. Для того чтобы оформить этот брак, пришлось испрашивать разрешения церковных властей, так как Клара Пельцль находилась, очевидно, в близком родстве с Алоисом. Как бы то ни было, Клара Пельцль стала матерью Адольфа Гитлера. Первый брак Алоиса был бездетным, от второго брака в живых осталось двое детей — Алоис и Ангела, от третьего тоже двое — будущий фюрер Германии и некая Паула, ничем не примечательная женщина, которая пережила своего брата. Всего у Алоиса Гитлера было семеро детей, из них один внебрачный и двое, родившихся сразу после заключения брака.

Адольф Гитлер был третьим по счету ребенком от третьего брака его отца.

Алоиса Гитлера, отца фюрера, в молодости отдали в ученье к сапожнику. Но он не пожелал шить башмаки и стал таможенным чиновником, т. е., по понятиям людей его круга, «выбился в люди». В 58 лет — сравнительно рано — Алоис вышел на пенсию. Он был непоседлив — все время менял места жительства, один городок на другой. Но в конце концов осел в Леондинге — пригороде Линца. Здесь на сонной улице в собственном домике с садом Алоис Гитлер дожил до самой смерти. Семья Гитлеров была недружная. И сам Адольф Гитлер крайне холодно относился к родственникам, в частности к родной сестре Пауле и единокровному брату Алоису. Этот брат, Алоис Гитлер, в 18 лет отсидел пять месяцев в тюрьме за воровство. Будучи выпущен на свободу, он через два года опять попался, на этот раз его посадили на восемь месяцев. В 1929 году, т. е. уже в то время, когда Адольф

Гитлер начал входить в силу, Алоиса судили за двоеженство. Потом он уехал в Англию, завел там новую семью, бросил ее и вернулся на родину. В фашистской Германии Алоис «остепенился», открыл в Берлине процветающий пивной бар, который охотно посещали нацистская братия и иностранные журналисты — последние потому, что надеялись выведать у Алоиса какие-нибудь подробности об Адольфе Гитлере. Но Алоис умел держать язык за зубами. Он, без сомнения, знал, что несколько друзей Адольфа Гитлера, которые оказали будущему фюреру услуги в начале его пути и проявили излишнюю болтливость, плохо кончили. Их без особого шума убрали эсэсовцы. По свидетельству иностранных корреспондентов, Алоис Гитлер был в тридцатых годах породным мужчиной, типичным немецким трактирщиком.

Единственный человек, к которому Гитлер питал родственные чувства, была его единокровная сестра Ангела Гитлер, по мужу Ангела Раубал. Когда Гитлер стал в Баварии влиятельным человеком, он выписал овдовевшую к тому времени Ангелу и сделал ее своей зкономкой. Ангела Раубал вела хозяйство холостяка Гитлера и в Мюнхене, и в его резиденции в Берхтесгадене, в Баварских Альпах. С дочерью Ангелы — тоже Ангелой (Гели) Раубал у Гитлера был роман.

Если верить книге Гитлера «Майн кампф», родители Гитлера хотели сделать из сына чиновника, а сам будущий фюрер мечтал стать свободным художником. В «Майн кампф» рассказывается о «трагическом конфликте», который возник на этой почве между жестоким отцом и несчастным сыном. Однако послевоенные биографы Гитлера без труда доказали, что миф о тирано-отце и многострадальном сыне не соответствует действительности. Отец Гитлера не был ни злодеем, ни деспотом: это был всего-навсего заурядный обыватель, которому удалось подняться на одну ступеньку выше своих родителей, выскочить из простых ремесленников в чиновники, в «пролетарии стоячего воротничка», как тогда называли в Германии мелких служащих, И Алоису Гитлеру хотелось дать своему сыну образование, несмотря на связанные с этим материальные жертвы. Но Гитлер, по всем данным, учился плохо. Одно реальное училище ему пришлось покинуть. Это было в Леондинге. Второе — в Линце — он также не сумел кончить.

На всю жизнь нацистский фюрер сохранил ненависть к интеллигенции, напал на образование как таковое и на людей образованных. Неуважение ко всякому умственному труду, в особенности в области общественных наук, в «третьем рейхе», без сомнения, связано и с тем, что во главе этого рейха стояли люди, «образовательный ценз» которых был на редкость низок по сравнению с любым другим буржуазным государством. Гитлер, в частности, презирал любые знания (исключая, пожалуй, знания в некоторых областях техники) и любой процесс познания, считая, что важны только конечные результаты этого процесса, чисто утилитарные выводы, из которых государство и фашистская партия могут извлечь сиюминутные выгоды.

В «Майн кампф» он называл педагогов «обезьянами» и «тупицами». «Их (учителей. — Авт.) единственная цель, — писал он, — была в том, чтобы забить нам головы и сделать из нас таких же ученых обезьян, какими были они сами». И еще много лет спустя, в 1942 году, в своей ставке Гитлер опять-таки не раз ругал гимназию, гимназические порядки, педагогов. Читая его высказывания о школе, не знаешь, чему больше удивляться: злопамятности нацистского фюрера или его невежеству. Вот некоторые образчики рассуждений Гитлера: «Зачем нужна парню, который хочет изучать музыку, геометрия, физика, химия? Что он будет помнить из этого потом? Ничего!» Или же: «Зачем учить два языка?.. Достаточно одного». Или же: «В общем, я выучил не больше десяти процентов того, что выучили другие». В предисловии к «Застольным беседам Гитлера» историк Перси Шрамм, который в свое время вел «дневник вооруженных сил» в ставке Гитлера, пишет, что особую ненависть Гитлер испытывал «к грязным социал-демократически настроенным народным учителям», «глупым и несамостоятельным умственным пролетариям». По словам Шрамма, Гитлер собирался заменить их уволенными в запас унтер-офицерами, поскольку те «чистоплотны и хорошо вымуштрованы на воспитание людей». Гитлер считал, что в школах надо избегать «преувеличенного образования — «массажа мозга», от которого «дети становятся дураками» и т. д.²

Впоследствии, живописуя тот период своей жизни, Адольф Гитлер создал две легенды, которые должны были обелить его учебные неудачи в глазах немецкого обывателя. Первая легенда

заклучалась в том, что, будучи подростком, он якобы заболел тяжелым легочным заболеванием. Именно этим Гитлер объяснил в «Майн кампф» свой уход из реального училища. Однако никаких данных о тяжелом и длительном недуге Гитлера не обнаружено.

Согласно второй легенде, распространявшейся будущим фюрером, после смерти отца семья Гитлеров впала в крайнюю бедность, из-за чего молодому Адольфу пришлось покинуть школу. Однако и эта легенда несостоятельна. Мать Гитлера получала приличную пенсию. Кроме того, как раз в 1905 году, когда Гитлер распростился со школой, мать продала дом в Леондинге за 10 тысяч крон, что представляло собой в те времена солидную сумму. Таким образом, семья Гитлеров и после смерти отца жила довольно-таки обеспеченно.

Бросив школу, Гитлер два с лишним года вел праздную жизнь — занимался немножко живописью, был завсегдатаем местного театра, сочинял стихи и даже брал уроки музыки. Причем стоило ему заинтересоваться игрой на рояле, как мать приобрела инструмент — еще одно доказательство того, что о нищете в доме Гитлеров не могло быть и речи. В те времена, как писал первый биограф Гитлера немецкий историк Конрад Хайден, «молодой Гитлер был почти элегантен», он носил «черную шляпу с широкими полями и неизменные черные лайковые перчатки, ходил с черной тростью, украшенной набалдашником из слоновой кости, в черном костюме, а зимой носил черное пальто на шелковой подкладке». Гитлера, замечает Хайден, «можно было назвать тогда избалованным буржуазным сыночком»... «Ко всякой работе ради «куска хлеба» он относился с презрением».

По свидетельству своих тогдашних знакомых, Гитлер без особого сожаления покинул провинциальный Линц. Ничто не привязывало его к этому городу: ни друзья, ни любимое дело. Любимого дела у Гитлера не было. А его единственным приятелем в ранней юности был сын обойщика по фамилии Кубичек, о котором уже говорилось выше. Как явствует из воспоминаний Кубичека, он обладал драгоценным для Гитлера свойством — умел выслушивать в полном безмолвии длинные тирады будущего фюрера.³

Но если в свое время Гитлер отнюдь не был привязан к городу Линцу, то много лет спустя, когда он стал господином над жиз-

нью и смертью миллионов людей, Линц все же приобрел славу «родного города фюрера».

Гитлер решил превратить Линц в город-музей, в памятник собственному величию. В годы войны он составлял грандиозные проекты переустройства города, велел изготовить чертежи новых гигантских зданий. На всех проектах Гитлера вообще и на линцских в частности был явный отпечаток мании величия. «Он мечтал строить залы на триста тысяч человек, — пишет Феликс Гросс, иностранный журналист, который жил в Германии з тридцатых годах и разговаривал с Гитлером, — мечтал о роскошных казармах и дикого вида ратушах». И далее: «Странным образом все его казармы походили на волшебные замки, а его замки были похожи на казармы».

Линц поистине мог стать городом-монстром, украсившись целыми кварталами замков-казарм. Однако реконструкция Линца, так же как и многие другие планы и проекты Гитлера (в том числе проект переименования Берлина как столицы великогерманской империи в «Германия»), остались только на бумаге, Единственное, что удалось в этой области совершить Гитлеру, — это посетить Линц в роли фюрера тридцать с лишним лет спустя после того, как он покинул его недоучившимся реалистом.

В 1906 году Гитлер впервые отправился в Вену, которая произвела на него большое впечатление. В 1907 году, после того как будущему фюреру исполнилось 18 лет и он получил причитающуюся ему долю отцовского наследства, Гитлер уехал в Вену на постоянное жительство, Он намеревался поступить там в академию художеств. Толстая пачка рисунков, которую он привез из Линца, казалась ему залогом будущих успехов. Однако в Вене Гитлера ожидало жестокое разочарование. Он провалился на экзаменах. В экзаменационном листе венской академии художеств за 1907 год написано: «Нижеследующие господа выполнили экзаменационные рисунки с неудовлетворительным результатом или же не были допущены к экзаменам... Адольф Гитлер, Браунау-на-Инне; 20 апреля 1889 года; немец, католик, отец — оберфискаль; оконч. 4 класса реального училища. Мало рисунков гипса. Экзаменационный рисунок — неудовлетворительно». Правда, ректор академии посоветовал Гитлеру поступить в архитектурное училище. Но когда Гитлер пошел туда, у него потребовали аттестат зрелости, который он так и не получил.

Экзамены в академию проходили осенью. А в декабре того же 1907 года в Леондинге умерла от рака груди мать Гитлера. Похоронив ее, Гитлер прожил до февраля 1908 года у своих родственников и только после этого окончательно переехал в Вену.

До 1913 года Гитлер жил в Вене.

* * *

Этот венский период Гитлер назвал в «Майн кампф» «несчастнейшим временем» своей жизни. Действительно, именно в Вене Гитлеру пришлось познакомиться с нуждой, именно в Вене его начали преследовать неудачи. В чем же причина этого? В «Майн кампф» Гитлер объясняет бедственное положение, в котором он очутился, тем, что он будто бы остался без гроша в кармане, буквально на улице. Но это было не совсем так. Мать Гитлера, несмотря на большие расходы, связанные с тяжелой болезнью, оставила детям 3000 крон. Кроме того, Адольфу и его сестре Пауле была назначена пенсия за отца в размере 50 крон в месяц до конца обучения. Часть этой пенсии Гитлеру обманным путем удалось получить, хотя он нигде не обучался. Словом, по подсчетам биографов Гитлера, он имел ежемесячно около 100 крон, не считая единовременных вспомоществований от своей тетки — сестры матери (в общей сложности Гитлер получил от тетки не менее 2000 крон). Разумеется, всех этих денег надолго хватить не могло, но с их помощью можно было стать на ноги, т. е. научиться какому-нибудь ремеслу, пристроиться к делу. Однако Гитлер не желал пойти по этому пути. Первые полгода он снимал меблированную комнату со своим приятелем Кубичеком. В эти полгода Гитлер жил барином, ходил в театр, спал до обеда. В сентябре 1908 года он попытался снова поступить в академию, но не был даже допущен к экзаменам. Правда, и сейчас дорога к высшему образованию все еще не была закрыта, так как в архитектурное училище «особо одаренных» в виде исключения принимали и без среднего образования. Но Гитлер даже не сделал попытки преодолеть этот барьер. Будущий фюрер медленно, но верно опускался на дно: денег становилось все меньше, меблированные номера, в которых он жил, — все более жалкими и обшарпанными. В «Майн кампф» Гитлер называет их «пещерами», но и на «пещеры» денег не хватало. В конце концов Гитлер перебрал-

ся на скамейки в парки, стал спать под мостами. Осень 1909 года застала будущего фюрера в так называемом убежище для людей, оставшихся без крова, т. е. в ночлежке в венском пригороде Майдлинге. В конце года он обосновался в другой ночлежке под названием «Мужской дом для бедных» на Мелдеман-штрассе на берегу Дуная. Там он жил до 1913 года. Первое время он перебивался случайными заработками: то убирал снег, то выбивал ковры, то носил чемоданы на Западном вокзале. Под конец своего пребывания в Вене Гитлер нашел себе более «престижное» занятие. Он начал рисовать на продажу картинки с изображением знаменитых венских архитектурных памятников. Свою продукцию он сбывал старьевщикам, продавцам рамок (рамки надо было чем-то заполнять) и мебельщикам, которые по тогдашней венской моде наклеивали пестрые картинки сзади на спинки недорогих диванов и кресел. Кроме того, Гитлер писал рекламные плакаты. Он сочинил, в частности, плакат «Присыпка от пота «Тедди», а также плакат «Покупайте свечи!», на котором был изображен святой Николай с пестрыми свечами в руках. И наконец, плакат с грудой кусков мыла на фоне башни собора св. Стефана. Этот дешевый товар Гитлер сбывал с помощью некоего Ганиша. Но вскоре он подал в суд на Ганиша, обвинив его в утайке части денег. На суде выяснилось, что Ганиш проживал по чужому паспорту, за что и получил неделю тюрьмы. Порвав с компаньоном, Гитлер начал продавать свои картинки самостоятельно.

Историк Конрад Хайден, написавший книгу о Гитлере уже в тридцатых годах и собравший показания людей, которые знали фюрера в годы его молодости, рисует примерный портрет Гитлера венских лет: «...потертый сюртук ниже колен, его подарил Гитлеру венский старьевщик, еврей по фамилии Нойман, такой же бродяга, как и все другие тогдашние товарищи Гитлера, обитатель ночлежки... Засаленный черный котелок — его Гитлер носил и зимой и летом, нечесанные космы, спадавшие на лоб, как в более поздние годы, и свисавшие сзади до самого воротника, обсыпанного перхотью... Худое голодное лицо. На щеках и подбородке черная щетина. Широко раскрытые глаза...»

Основываясь на «Майн кампф», большинство историков считает, что Гитлер сознательно не искал себе постоянной работы. Гитлер писал, что он боялся «погрузиться в старое, менее ува-

жаемое сословие», иными словами, в рабочее сословие. Очень возможно, что этот сын таможенного чиновника, зараженный мещанскими предрассудками, действительно предпочитал нищенствовать, дабы не стать пролетарием. В свое время отец Гитлера перешагнул Рубикон — из ремесленника вышел в «благородные», и Гитлер, видимо, не хотел перейти Рубикон в обратном направлении. Тем более, что в Вене в те годы классовые различия проявлялись куда острее, нежели в захолустных городишках, где будущий фюрер провел свое детство.

В «Майн кампф» Гитлер подробно и многословно рассказывал, как он занялся самообразованием в Вене. «Я читал тогда необычайно много и притом основательно... За несколько лет я, таким образом, создал основы знания, которыми я и сейчас еще питаюсь». Далее он сообщая, что выработал свой собственный метод чтения: «Однако я понимаю под чтением, видимо, нечто другое, чем большая часть наших так называемых интеллигентов». За этим следует длинная тирада, которая кончается так: «Искусство чтения, так же как и обучения, вот в чем: запоминать существенное, несущественное забывать, Только такое чтение вообще имеет смысл, и с этой точки зрения венский период был для меня особенно благотворен и важен».

По тем отрывочным данным, которыми мы располагаем, Гитлер читал в Вене много, но крайне беспорядочно. Читал книги по оккультизму, астрологии, зачитывался приключенческими романами Карла Мая и жадно поглощал бульварные венские журнальчики и брошюры, издаваемые различными реакционными организациями. На одном из этих журналов, а именно на антисемитском журнале под названием «Остара», который издавал один из проповедников расизма и антисемитизма в Австрии бывший монах Георг Ланц,⁴ он же Иорг Ланц фон Либемфельс, придется остановиться подробнее. Ибо бросается в глаза тождество высказываний Гитлера с теми «теориями», которые проповедовали венские расисты. Уже в грошовых брошюрах Ланца движущей силой истории объявлялась война между «белокурой расой господ», которую Ланц называл просто «хельдингами», от немецкого слева Held — герой, и прочими, неполноценными расами под названием «аффлинги», от немецкого слова Affe — обезьяна. Ланц призывал «хельдингов» сторониться «обезьяноподобных»,

дабы предотвратить смешанные браки. Он считал чудовищным «расовым позором» связь белокурых женщин «высших рас» с «недочеловеками» из породы «обезьяноподобных». Между прочим, Ланц рекомендовал представителям «высших рас» иметь много жен, не обращая внимания на церковную мораль. По теории Ланца, «хельдинги» должны были устраивать специальные питомники для выведения чистых арийцев.

На протяжении двенадцати лет нацисты пытались проводить в жизнь подобные теории. Гитлер был одержим идеей «улучшения расы» и давал в этой связи практические рекомендации, которые звучали ничуть не более грамотно, нежели рассуждения венских бульварных газетчиков.

В качестве примера приведем один из застольных монологов Гитлера в 1942 году, записанных Пикером. Речь в ставке Гитлера шла в тот день о курорте в Баварских Альпах, который фюрер превратил в 30-х годах в свою резиденцию. Естественно, что всю эту местность наводнили эсэсовцы из личной охраны Гитлера. Вот какой тирадой разразился Гитлер по этому поводу: «Заслуга лейбштандарта (эсэсовцев. — Авт.) в том, что сейчас в окрестностях бегают большое количество сильных и здоровых детей. Вообще необходимо, исходя из этого, посылать во все те места, где плох состав населения, элитные войсковые части, чтобы добиться освежения крови... Мазуры и Баварский лес надо обязательно занять когда-нибудь отборными войсками».

Характерно также (и это отмечали многие исследователи), что антисемитизм Гитлера и его главного специалиста по данному вопросу Юлиуса Штрейхера, издателя антисемитской газеты «Штюрмер», имел специфическую окраску, свойственную еще венским расистам начала века, а именно — сексуальную.⁵

И наконец, уже в грязных журнальчиках, издававшихся в Вене до 1914 года, намечена программа уничтожения «низших рас», взятая на вооружение Гитлером. Ланц предлагал стерилизовать «неарийцев», ввести для них принудительные работы, депортировать их в «пустыню шакалов» или в «обезьяньи леса».

Известно, что идеологи расизма всегда исполняют определенный социальный заказ. В тогдашней Вене, столице многонациональной габсбургской монархии, антисемитизм был необходим правящим классам как идеологическое оружие в борь-

бе против растущего самосознания масс, против возникавшего у них благородного чувства интернационализма, против единения трудящихся разных национальностей.

Показательно, что и в социал-демократических организациях, которые существовали в тогдашней Вене, Гитлера больше всего возмущала их приверженность интернационализму, единству трудящихся. В условиях Вены это означало, что социал-демократы австрийцы стремились бороться рука об руку с социал-демократами чехами, венграми, словаками. Вот что писал по этому поводу Гитлер в «Майн кампф»: «То, что меня больше всего отвращало от них (социал-демократов. — Авт.), была их враждебная позиция по отношению к борьбе за сохранение немецкого духа и отвратительные домогательства с целью достичь благоклонности славянских «товарищей».

Власть реакционных сил в Австро-Венгрии зиждилась на привилегиях, которыми издавна пользовались австрийские феодалы, крупные чиновники и богачи. В «теории» это выглядело так: хозяева Австро-Венгрии заявляли, что, согласно «естественным природным законам», общество представляет собой иерархическую пирамиду; вершину пирамиды образует «чистая раса», т. е. немцы,⁶ нижние этажи — чехи, словаки и, наконец, евреи.

Трудящиеся Австро-Венгрии, однако, отвергали иерархическую расовую пирамиду. Удар господству промышленников и капиталистов нанесло широкое демократическое движение в 1907 году, которое дало всем совершеннолетним мужчинам габсбургской монархии избирательное право. Для Гитлера все эти явления были признаком того, что государство «погружается в гнилое болото». Привилегии «расы господ» в Австро-Венгрии оказались в опасности. И Адольф Гитлер, который, как мы видели выше, ни за что не хотел расставаться со своими социальными привилегиями, предпочитая торговать жалкими картинками и жить в ночлежках, Гитлер с фанатическим пылом ринулся на защиту расовых привилегий немцев, которые они все больше теряли в габсбургской монархии начиная с революции 1848 года. Бедняк, рекламировавший присыпку от пота, цеплялся за «учение», доказывавшее превосходство его «крови», его «расы», предоставлявшее ему хотя бы чисто теоретически право господствовать, властвовать... Когда-то хозяева Австро-Венгрии бросили эту кость полу-

голодному Гитлеру. Впоследствии сам Гитлер бросил ту же кость своим подданным, которых он превратил в убойный скот, в рабов военной экономики. Посылая немецкого обывателя на фронт, он утешал его тем, что он-де выше поляка Шопена или еврея Эйнштейна, что в его жилах течет кровь «первого сорта» и что французы, чехи, русские «завидуют ему»... Наряду с расовой теорией в формировании гитлеровского мировоззрения большую роль сыграл германский национализм. Национализм в Вене представляла в те годы пангерманская партия. Лидером ее был Георг фон Шенерер, которого Гитлер называл «глубоким умом». Шенерер был воинствующим немецким националистом. Он ненавидел социализм и рабочий класс. Политическое кредо Шенерера заключалось в том, чтобы объединить всех немцев в одной империи. Габсбургскую монархию Шенерер презирал. Однако пангерманцы не имели успеха в Вене: откровенно антинародная и антисоциалистическая политика, которую они проводили, не пользовалась поддержкой широких масс. В довершение всего Шенерер был в ссоре с мощной католической церковью и тем самым, как писал потом Гитлер, «распылял силы».

Большое влияние на Гитлера и на его мировоззрение оказал также кумир австрийского мещанства — бургомистр Вены Карл Люгер. Люгер сумел сплотить венскую мелкую буржуазию в «ударный кулак». Этот политикан, который, как уверял Гитлер, был «самым сильным немецким бургомистром всех времен» и стал бы «одним из величайших умов» Германии, если бы он родился не в Вене, а в Берлине, и впрямь был своего рода классиком социальной демагогии. Он уже тогда додумался использовать для подавления трудящихся масс «чернь», «толпу», накопью общества. Люгер противопоставил лавочника пролетарию, люмпена — организованному рабочему, истерических недоучек — интеллигентам. Люгер был опытным демагогом и широко использовал популярные антикапиталистические лозунги, незаметно переиначивая их в своих целях. Первоисточником гитлеровских тирад, направленных против «монополий», против «эксплуатации», «спекулянтов» (и вообще всех тех, кто «не работает»), являлись не только труды Федера, первого теоретика национал-социалистической партии, о котором нам еще придется говорить далее, но и речи Люгера, мобилизовавшего венских мелких буржуа

против «капитала». Защищая интересы верхушки общества, Люгер в то же время широко пользовался антикапиталистической фразеологией, которая воодушевляла мещан, помогала им вообразить себя великими «революционерами». Демагогические формулы Люгера, к примеру «спекуляция равна преступным легким заработкам, равна прибыли без продуктов труда», Гитлер впоследствии широко использовал. Недаром он писал в «Майн кампф», что Люгер «понял ценность широко вещательной пропаганды и виртуозно воздействовал на инстинкты своих сторонников». Под руководством венского бургомистра Христианско-социальная партия стала в 1907 году сильнейшей партией австрийского парламента.

В «Майн кампф» Гитлер написал: «Вена была и осталась для меня самой тяжелой и основательной школой жизни... В это время у меня создалась картина мира и мировоззрение, которое стало гранитным фундаментом моих тогдашних действий. К тому, что я в те времена получил, мне пришлось лишь немного добавить, изменять я не должен был ничего».

Итак, «гранитный фундамент». Однако не надо преувеличивать значение книжной и прочей премудрости в создании этого фундамента. Конечно, и Люгер, и Ланц, и Шенерер, и другие реакционные деятели тогдашней Австро-Венгерской монархии внесли свою лепту в мировоззрение будущего фюрера. Но наибольшую роль в формировании его личности сыграла сама жизнь, непосредственное окружение. И здесь мы не можем не отметить, что исследователи, как правило, слишком бегло освещают так называемый «венский период» жизни Гитлера. Официальные биографы фюрера по понятным причинам не хотели привлекать к нему внимания. А историки, занимавшиеся Гитлером после 1945 года, то ли по недостатку материалов и живых свидетелей тех лет, то ли из чувства «пиетета» также говорят о нем только вскользь.

А между тем даже то, что мы знаем о жизни Гитлера в Вене абсолютно достоверно, дает богатейшую пищу для размышлений. Четыре года — немалый срок — Гитлер провел в ночлежках среди париев тогдашней Вены, в уголовном или, скажем, полууголовном мире. Его обществом были, очевидно, бродяги, мошенники, сутенеры, просто опустившиеся люди, «асоциальные» элементы, как их называли в «третьем рейхе». Гитлер делился

с ними своими планами (так, Ганиш утверждает, что у будущего фюрера был план подделки картин старых мастеров) и идеями. В свою очередь, эти изгои общества делились с Гитлером своими идеями и планами...

Социологи разных стран, занимающиеся проблемами преступного мира, не раз отмечали, что у этого мира есть свои жестокие законы, своя «этика» и своя «мораль». Альфой и омегой этого мира является ненависть к тому обществу, которое их отвергло. Ненависть эта направлена не на один какой-то класс, она распространяется на все классы и слои, на всех вообще нормальных людей. Далее, мы знаем, что в каждой шайке обязательно есть свои главари, которые беспощадно расправляются с «изменниками», с «отступниками». Нередки случаи, когда главари убивают своих бывших сообщников, которые посягнули на их власть или просто хотели вернуться в лоно общества. Круговая порука, «недоносительство» — один из законов преступного мира. В ночлежках существуют не только свой «сленг» — жаргон и свой фольклор, но и свои нравы, свои неписанные правила поведения.

Повлияли ли обычаи, этика и мораль венского дна, преступной мафии на «гранитный фундамент» мировоззрения Гитлера? Конечно, повлияли.

Вот известное, много раз цитировавшееся высказывание Гитлера из «Майн кампф»: «Идея борьбы так же стара, как сама жизнь, ибо жизнь сохраняет только тот, кто растаптывает чужую жизнь... В борьбе выигрывает ловкий, а неловкий, слабый проигрывает. Борьба — отец всего... Не по принципам гуманности живет человек и воцаряется над миром животных, а только с помощью самой жестокой борьбы...» А вот цитата из речи Гитлера в 1928 году: «Какой бы цели ни достиг человек в жизни, он достигает ее благодаря своей... жестокости». Да ведь это просто философия ночлежки! — восклицает Алан Буллок⁷ — один из немногих историков, серьезно исследовавших венский период жизни Гитлера. «В той борьбе, которую человек там вел, каждый трюк, каждая уловка, каждое оружие, каждая хитрость были дозволены, какими бы бессовестными и коварными они ни были», — продолжает Буллок.

Вот что говорил Гитлер в беседе с Раушнинггом⁸ о воспитании молодежи: «Моя педагогика тверда. Слабость должна быть уничтожена. В моих орденских замках подрастет молодежь, которая

ужаснет мир. Мне нужна молодежь, жаждущая насилия, власти, никого не боящаяся, страшная... Свободный, прекрасный хищный зверь должен сверкать из ее глаз... Мне не нужен интеллект. Знания погубили бы мою молодежь».

В этом духе Гитлер высказывался на всем протяжении жизни. Он не скрывал, а, наоборот, афишировал свою злобу, полное отсутствие моральной брезгливости, уважение к кулаку, к насилию. Он не раз повторял, что ложь, обман — оружие в его борьбе. Не раз провозглашал, что все в этом мире дозволено. И это были отнюдь не простые декларации. В своей практике фюрер руководствовался теми же правилами атамана гангстерской шайки, подбирал себе соответствующих сообщников. Как мы увидим позднее, очень многие крупные нацистские политики имели уголовное прошлое, были, так сказать, мечены преступлением и преступным миром. Принцип «отбора» для Гитлера в этом смысле был облегчен тем, что благодаря первой мировой войне и социальным потрясениям на поверхность немецкой политической жизни вылезли деклассированные элементы.

По принципу атамана гангстерской шайки Гитлер расправлялся со своими политическими противниками и сообщниками — попросту убивал их. Так он разделался с крупными деятелями нацистского движения Ремом, Грегором Штрассером и другими. А когда речь шла о менее известных личностях, их и вовсе убивали без шума. Характерно, что, даже обладая гигантским аппаратом власти — гестапо, «народными трибуналами» и прочими учреждениями, Гитлер предпочитал иногда подстроенные убийства «законным» казням.

Выше мы говорили, что он ненавидел школьных учителей. Еще сильнее была его ненависть к юристам и всякой законности. Правда, став главой государства, Гитлер сажал в концлагеря и «асоциальные» элементы. Он понимал, что грабители и убийцы не могут разгуливать на свободе. Но в концлагерях он опирался именно на них. Бывшие узники нацистских лагерей рассказывают, какой властью обладали там уголовники, как они мучили политических заключенных, какими привилегиями пользовались. Венский период в жизни Гитлера безусловно сформировал его взгляды.

Гитлер не был просто мелким буржуа, «человеком с улицы», которого использовали могущественные силы германского им-

периализма и реакции. В 1933 году старый прусский монархист фельдмаршал Гинденбург вручил власть не «богемскому ефрейтору»,⁹ как он его называл, а бывшему обитателю венской ночлежки, одному из тех, кого зовут «отребьем общества».

* * *

В возрасте 24 лет Гитлер навсегда покинул Вену. Отныне он обосновался в Мюнхене.

Впоследствии отъезд из Вены Гитлер мотивировал идейными соображениями — нежеланием жить в многонациональном, пестром, изобилующем «низшими расами» городе. По всей видимости, однако, причина была иная — Гитлер уклонялся от воинской повинности. Именно поэтому десять лет спустя, замечая следы, он неверно указал дату своего переезда. По гитлеровской версии, изложенной в «Майн кампф», он поселился в Германии в 1912 году; на самом деле это произошло только в 1913 году, когда австрийская полиция начала разыскивать Гитлера, чтобы доставить на призывной пункт. Вот тут-то Гитлер и бежал из Вены. А позднее, описывая свою жизнь, совершил подлог, боясь, что его поймают на столь непатриотическом поступке, как нежелание служить в армии.

Явившись в Мюнхен, Гитлер на всякий случай отметился в полиции как человек без подданства. Тем не менее в январе 1914 года австрийские власти узнали о его местопребывании и потребовали через мюнхенскую полицию, чтобы он явился в австрийское консульство и дал свои объяснения. В феврале Гитлеру пришлось предстать перед военной врачебной комиссией в Зальцбурге. Однако призывная комиссия признала его негодным «как для строевой, так и для нестроевой службы».

В Мюнхене Гитлер снял меблированную комнату в бедном районе, недалеко от казарм, у портного по фамилии Попп. Некоторое время он жил в этой комнате вдвоем с неким Грейнером, а потом один, и вел примерно ту же жизнь, что и в Вене: рисовал рекламы и объявления, торговал картинками с видами Мюнхена. По свидетельству очевидцев, все свое свободное время будущий фюрер проводил тогда в дешевых кафе и пивных, жадно глотал газеты и разглагольствовал о политике, впадая в ярость всякий раз, когда речь заходила о марксистах, капиталистах, евреях...

Словом, это был «трактирный политикан», как их тогда называли в Германии. Никаких определенных планов на будущее у Гитлера не существовало... В двадцать четыре года это был человек без профессии, без образования, без моральных устоев.

Важнейшим рубежом в его жизни оказалась война 1914—1918 гг. Первая мировая война унесла десять миллионов жизней. Немцев погубило два миллиона. Война оставила сотни тысяч калек, вдов, сирот, разрушила экономику воевавших государств, Германии она принесла разруху, голод, обесценение денег, словом, жестокое похмелье. Тем не менее через пять лет после окончания войны Гитлер писал в «Майн кампф» о первом дне ее: «Я и сегодня не стыжусь признаться, что, охваченный стихийным воодушевлением, я опустился на колени и поблагодарил от всего сердца небо за то, что оно осчастливило меня — позволило мне жить в такое время... Так же, как и для всех немцев, и для меня началось тогда самое незабываемое, самое великое время моей земной жизни...»

Империалистическая война воодушевила не только Гитлера, но и вообще все деклассированные элементы немецкого общества. Она «списала» их грехи и неудачи, открыла перед ними широкие перспективы — во-первых, сулила им обеспеченную жизнь ландскнехтов, во-вторых, возводила вчерашних изгоев в ранг «патриотов», «защитников отечества», «героев», словом, давала им те самые моральные привилегии, которых они были лишены в мирной жизни. Деклассированная прослойка немецкого общества быстрее всех остальных клюнула на шовинистическую, урапатриотическую пропаганду немецкого империализма. Именно этим и следует объяснить то, что уклонявшийся дотоле от воинской повинности Гитлер сам пришел на призывной пункт.

Однако карьеры, на которую Гитлер рассчитывал, в сословной кайзеровской армии ему сделать не удалось — в его ранце не оказалось маршальского жезла. Всю войну Гитлер прослужил связным при штабе полка, так и не получив чина выше ефрейторского. Даже к концу войны, несмотря на огромную нехватку командного состава, Гитлеру не дали офицерских погон. Дважды он был ранен — первый раз в битве на Сомме в октябре 1916 года, второй — в октябре 1918 года в последней битве на Ипре, во время английской газовой атаки.

В армии будущий фюрер поражал своими странностями: то мрачно молчал, то начинал лихорадочно кричать. Держался он

всегда особняком. Однако именно «солдатское сообщество», как это впоследствии называлось в «третьем рейхе», было первым «сообществом», устраивавшим Гитлера. Он, который до армии никогда не сходил с людьми, приобрел на войне если не друзей, то «своих людей». Так, казначей баварского полка Аман сыграл известную роль в нацистской партии — он возглавил издательство «Эгэр», получавшее впоследствии прибыли от «Майн кампф». Позднее Аман захватил издательство братьев Штрассер «Берлинер кампф-ферлаг», а потом стал самым крупным издателем нацистских трудов в «третьей империи».

Конец войны застал Гитлера в лазарете в Пазевальке.¹⁰ Там он узнал о капитуляции Германии. В то время Гитлеру было уже почти тридцать. Вскоре после этого он, по его словам, «решил стать политиком».

Солдат контрреволюции

Реакционные правящие круги Германии не могли, да и не хотели примириться с поражением, понесенным германским империализмом в войне 1914—1918 гг. На второй же день после капитуляции они начали готовиться к реваншу. Но для того, чтобы «переиграть игру», необходимо было восстановить репутацию вооруженных сил, возродить миф о непобедимости германской армии. Важнейшую роль в этом должна была сыграть легенда об «ударе ножом в спину», призванная переложить вину за военное поражение Германии на левые, прогрессивные силы.

8 ноября 1918 года Гинденбург, который вместе со своим ближайшим подчиненным Людендорфом настаивал на немедленной капитуляции, заявил, что немецкой армии нанесен «удар ножом в спину». С тех пор эта легенда пошла гулять по всей Германии. Распространению ее способствовало, во-первых, то, что военное командование до последнего месяца скрывало катастрофическое положение немецкой армии, во-вторых, то, что в день капитуляции войска Германии находились на чужой территории, и, наконец, то, что с помощью различных интриг руководство армии заставило подписать акт о капитуляции «штатских» министров, которых нацисты именовали потом «ноябрьскими преступниками».

Мы упомянули легенду об «ударе в спину», дабы показать, что в Германии уже в 20-х годах была сконструирована идеоло-

гия, которой позже воспользовались нацисты. Легенда о «саботажниках, пацифистах, интеллигентах и марксистах», которые якобы не дали армии одержать победу, стала мощным демагогическим оружием в руках Гитлера. Много лет спустя под лозунгом «борьбы за монолитность тыла» гитлеровские наемники уничтожали лучших людей Германии.

Однако в самые последние дни войны реакционные классы Германии потерпели поражение и внутри страны. В стране началась революция. 3 ноября 1918 года восстали кильские моряки. Затем восстание перекинулось на всю Северную Германию и к 7—8 ноября охватило основные промышленные районы страны и столицу — Берлин.

9 ноября состоялась историческая демонстрация берлинских рабочих, окончившаяся провозглашением республики. С балкона бывшего кайзеровского дворца к демонстрантам обратился Карл Либкнехт, который призвал довести революцию до конца и лишить власти помещиков и капиталистов.

Напуганные этими событиями правящие классы Германии прибегли к помощи правых лидеров социал-демократической партии. В Германии было образовано временное правительство во главе с правыми социал-демократами Эбертом и Шейдеманом.

В первое время правители Германии еще не могли помешать нарастанию классовой борьбы. По всей стране начали возникать Советы рабочих и солдатских депутатов. Во главе революционных сил немецкого рабочего класса встал «Союз Спартака». Под руководством Карла Либкнехта, Розы Люксембург и Вильгельма Пика он мобилизовал массы на борьбу против контрреволюции. «Союз Спартака» провозгласил лозунг: «Вся власть Советам!» и выступил за перерастание буржуазно-демократической революции в пролетарскую.

Однако в Советах сторонники «Спартака» оказались в меньшинстве. Во второй половине декабря в Берлине состоялся Всегерманский конгресс рабочих и солдатских депутатов. На нем правые социал-демократы сумели провести решение о том, что до «окончательного урегулирования положения» национальным собранием, т. е. буржуазным парламентом, власть передается Совету народных уполномоченных, в который вошли верные пра-

вительству социал-демократические функционеры. Вдохновленная этим решением контрреволюция перешла в наступление. В конце декабря в Берлине разыгрались кровавые события: против революционных матросов, служивших главной опорой передовых сил рабочего класса в Берлине, были брошены войска. Матросам пришлось сложить оружие.

Несколько позже войска контрреволюции заняли все важнейшие узлы связи и объявили столицу на осадном положении. 15 января 1919 года были арестованы вожди германского пролетариата Карл Либкнехт и Роза Люксембург. Их подвергли допросу в отеле «Эден», где разместился штаб гвардейского кавалерийского корпуса — одного из центров контрреволюции, — а затем отвезли на машинах в пустынное место и зверски убили.

Рабочий класс Германии потерпел поражение. «Кайзер ушел — генералы остались», — так охарактеризовали прогрессивные силы обстановку, создавшуюся в стране после свержения монархии. Но и крайней реакции не удалось добиться своих целей — свергнуть республику и восстановить феодально-милитаристскую диктатуру. Германия, согласно принятой 31 июля 1919 год «Веймарской конституции, стала парламентской республикой. Это было важным завоеванием всех демократических сил.

Подавив революционное выступление в Берлине, правительство Эберта — Носке — Шейдемана направило удар против других очагов восстания. Войска Носке потопили в крови Советскую республику в Бремена и приготовились к наступлению на Баварию, где в начале апреля была также провозглашена власть Советов. Социал-демократическое правительство Баварии во главе с Гофманом бежало из Мюнхена в Бамберг и начало собирать силы для расправы с Советской республикой. 1 мая на Мюнхен двинулись войска. После трехдневных кровопролитных боев баварский пролетариат был разбит превосходящими силами контрреволюции. Сотни борцов за дело рабочего класса пали жертвами белого террора, Бавария оказалась во власти военщины и отрядов «фрейкора».¹¹

Успехи контрреволюции настолько вдохновили военщину, что она решила произвести государственный переворот и уничтожить республиканский строй. Для этого реакция использова-

ла милитаристский союз «национальное объединение», который возглавлял Пабст — один из организаторов убийства Либкнехта и Люксембург. В марте 1920 года путчисты направили ультиматум правительству Эберта, в котором потребовали установления власти военщины в стране. Потом они двинулись на Берлин, Правительство было вынуждено бежать. Путчисты провозгласили своим главой махрового реакционера Каппа.

Но расчеты реакции на этот раз потерпели провал. Против организаторов путча выступил рабочий класс. Он дал отпор отрядам Пабста, Лютвитца, Эрхарда и других. 15 марта в Германии была объявлена всеобщая забастовка, в которой приняло участие 12 миллионов человек. «Правительство» Каппа подало в отставку. Главные организаторы путча бежали за границу. После этого наступило некоторое затишье; тем не менее реакция не была сломлена. Особенно сильной она оказалась в Баварии, ставшей местом зарождения германского фашизма.

В баварских административных органах на высоких постах сидели сотни реакционеров. Так, полицей-президентом Мюнхена был назначен некий Пенер.¹² Одним из сотрудников Пенера стал Вильгельм Фрик, будущий гитлеровский министр внутренних дел. В баварском министерстве юстиции оказался Франц Гюртнер — первый министр юстиции при Гитлере.

Такова была обстановка в Германии в целом и в Баварии в частности в те годы, когда Гитлер начал делать в столице Баварии — Мюнхене свою политическую карьеру.

Что же представлял собой тогда Гитлер?

В середине двадцатых годов, когда нацистская партия стала выходить на широкую арену, начала создаваться и легенда о ее фюрере. Это вполне закономерно, ибо фашизм невозможен без «идолопоклонства», без «принципа фюрерства», как говорили сами нацисты, иными словами, без рабского повиновения «вождю», почитаемому чуть ли не как бог.

Однако Гитлер меньше всего походил на того германского «вождя», которого воспевало его «учение». У него, так же как и у многих его ближайших сподвижников, в частности у Геббельса, была явно «неарийская» внешность.

Впрочем, как показали события, это вопиющее несоответствие было не столь существенным. Фашистская пропаганда уже

в двадцатых годах пыталась сфабриковать «другого Гитлера»), «Гитлера-фюрера», не имевшего ничего общего с Гитлером подлинным.

Пропаганда добилась своей цели: сотни тысяч немцев начали «воображать» Гитлера таким, каким она его рисовала. А того, кто сопротивлялся этому, бросали в концлагеря и уничтожали.

Поэтому историку, занимающемуся фашистской Германией и Гитлером, не так уж легко восстановить действительный облик нацистского фюрера. Пожалуй, легче всего это сделать в применении к Гитлеру двадцатых годов, ибо тогда он был всего лишь малоизвестным демагогом и восприятие людей, которые встречались с ним, не было искажено.

Итак, как выглядел Гитлер в ту пору? «Первое впечатление, которое создается о Гитлере, — писал американский журналист Никербокер в годы войны в своей книге «Принадлежит ли будущее Гитлеру?», — это то, что он кажется глуповатым. Когда я впервые услышал его речь в августе 1923 года в цирке Кроне в Мюнхене, я расхохотался. Даже если вы никогда не слышали о нем прежде, вам хотелось сказать: «Он похож на собственную карикатуру». Временами создавалось впечатление, что он всегда ходил с открытым ртом и с отвисшей челюстью. Вид у него был либо вопросительный, либо он сжимал губы так решительно, что опять-таки казался глуповатым».

Другой иностранный журналист — Дьюл писал, что «тривиальность Гитлера, его усики усыпили бдительность людей». Гитлер, уверял Дьюл, «в отношении своей внешности, манер, жестов, костюмов и поведения отличается исключительной тривиальностью. Он даже говорит на скверном немецком языке, несомненно, к этому человеку трудно было сразу отнестись серьезно». И далее: «Гитлер выглядит, как миллионы различных «маленьких людей», живущих в этом мире и находящихся в плохой физической форме... Его ноги слишком коротки для торса. По определению Раушнинга, ноги и руки у него непропорциональны... У него обвисшие плечи, впалая грудь, намечающееся брюшко. Ноги слегка искривлены. Он плохо держится на ногах. Походка у него некрасивая, и он проявляет тенденцию выворачивать при ходьбе носки наружу. Его темные густые и тонкие волосы, когда на них падает свет, имеют рыжеватый оттенок... Он

всегда страдал от сильной перхоти, следы которой постоянно заметны на его воротнике и плечах... Кожа на лице Гитлера грубая, шероховатая, часто кажется жирной и производит впечатление нездоровой. Глаза он унаследовал от матери, они отличаются серо-сине-зеленым цветом, так что в равной мере наблюдательные люди самым различным образом определяли их цвет, называя все цвета, начиная от лазурного до зеленого и даже «белого». Нос у Гитлера крупный и мясистый. Рот жесткий. Зубы плохие, вероятно, главным образом от того, что он за ними не следил... в уголках рта собирается слюна, что делает его дикцию неясной... Он говорит с грубым австрийским акцентом, выбор слов у него затрудненный, а синтаксическое построение фраз — сбивчивое. Относиться серьезно к человеку, который так говорит и пишет, было невозможно. В 1923 году Гитлер был так смешон, что в течение долгого времени им занимались главным образом юмористические издания. Для них это был человек, который пытался произвести смехотворный путч с револьвером в одной руке и с кружкой пива в другой».¹³

«У Гитлера были, — пишет журналист Феликс Гросс, — грубые черты лица, уродливый мясистый бесформенный нос, торчащие уши, скверные почерневшие зубы, неприятный цвет лица и лоснящаяся кожа, усеянная прыщами... перхоть, которая, несмотря на обильное применение помады, всегда лежала слоем на воротнике его пиджака...» И далее: «...у него были черные ногти, комическая жестикуляция».

Сохранилось также описание внешности Гитлера, сделанное в двадцатых годах внучкой Рихарда Вагнера Фриделинд: «Это был молодой человек в баварских кожаных штанах, коротких толстых вязаных носках, в рубашке в красно-синюю клетку и в короткой синей куртке, которая, как мешок, висела на нем. Острые скулы выдавались из дряблых, как тесто, щек... Вид у него был изголодавшийся, но в его взгляде было нечто фанатичное...»

Для сравнения приведем описание внешности Гитлера, сделанное много позднее уже упомянутым историком Перси Шраммом. Если отбросить первую часть этого описания, посвященную неодолимым «магнетическим» свойствам фюрера, то оно очень близко к характеристике, сделанной в те годы, когда Гитлер только начинал свое кровавое шествие к вершинам власти. Вот что

пишет Перси Шрамм: «Нос у Гитлера был уродливый, он походил на «пирамиду». Неприятное впечатление, которое производили большие широкие ноздри, смягчалось короткими усиками. Рот был относительно небольшой, подбородок слабо развитый. Губы казались тонкими, поджатыми. Лоб был высокий, но это не было заметно, ибо его прикрывала прядь волос. Ресницы были редкие, зато брови густые, а над ними сильные надбровные дуги... Зубы у него были плохие, много зубов заменено «мостами». Гитлер инстинктивно стыдился этого, когда он смеялся, то прикрывал рот рукой. Голова была непропорционально большая по сравнению с туловищем, руками, ногами. Руки у Гитлера висели, как плети. В тесном кругу он засовывал их в карманы. Ноги у него были слабые. Он наступал с пятки на носок и, согнув колени, делал довольно быстрые шажки. Любой пиджак висел на нем, как мешок, брюки и пальто казались бесформенными, шляпу он нахлобучивал на самый лоб...» Даже в партийной форме Гитлер, по словам Шрамма, не имел «импозантного вида — на коленях образовывались пузыри, высокие сапоги не облегали ногу. Френч он носил без ремня».

Таков был достаточно непривлекательный внешний облик Гитлера, запечатленный впоследствии на миллионах фотографий, на тысячах портретов.

Духовный облик и характер Гитлера тоже можно восстановить по многим подробным описаниям. Это был человек в высшей степени истеричный; то он впадал в отчаяние и кричал, что покончит жизнь самоубийством, то угрюмо молчал, то раздражался хвастливыми монологами. Чем большую власть он приобретал, тем более несдержанным становился. В 1933 году, поссорившись с другим тогдашним лидером нацистов Грегором Штрассером, фюрер начал кататься по полу в отеле «Кайзергоф» и кусать ковер. Геринг, которому надоело фиглярство Гитлера, мрачно сострил: «Все мы знали, что Адольф вегетарианец, но не знали, что в его меню входят ковры».

Люди, встречавшие Гитлера в двадцатые годы, в один голос отмечали, что он не терпел возражений и не мог парировать их. Он мог ораторствовать только в среде приверженцев. Перед тем как Гитлер всходил на трибуну, зал долго «накаляли». Позднее мы увидим, что существовал специальный ритуал подготов-

ки толпы к речам фюрера. В записанном виде речи Гитлера поражали своей нелогичностью, отсутствием внутренней связи и грубостью: они взывали не к разуму людей, даже не к их чувствам, а к их темным инстинктам.

Наконец, приведем свидетельство Отто Штрассера, одного из старых соратников Гитлера.¹⁴ Вот что он пишет в своих мемуарах: «Я много раз встречался с Гитлером. Я десятки раз слышал его речи на митингах, в кругу шарфюреров и в узком семейном кругу у моих родителей или в квартире моего брата Грегора Штрассера. Тогда он был просто господином Гитлером и президент Рейхсбанка Шахт не называл его «мой фюрер». Тогда еще без всякого можно было сказать ему «ты бредишь» — и многие из его старых товарищей не раз говорили это.

Никто не ощущал тогда никакой его гипнотической силы. И моя мать, которая частенько давала ему салат или тарелку пончиков, всегда говорила, что он «жалкий комедиант».

...Уже цитированный выше Дьюл рассказывает любопытную историю: вскоре после того как Гитлер стал канцлером, в Германии начала распространяться версия, будто фюрер не имеет ничего общего с тем Гитлером, который организовал национал-социалистскую партию в двадцатых годах, писал «Майн кампф» и т. д. Он будто бы всего лишь брат настоящего Адольфа Гитлера, Один из сторожей ландсбергской тюрьмы, в которую Гитлера посадили после провала путча 1923 года, Отто Луркер выпустил книгу под названием «Гитлер за крепостной стеной». В ней он писал, что Гитлер «производил впечатление не совсем нормального человека и упорно требовал свидания с каким-то не то Рудольфом, не то Адольфом, чтобы попросить его о денежной помощи». Из этого Луркер делал вывод, что он знал «не настоящего Гитлера».

Легенды о двойниках Гитлера, о подмене одного Гитлера другим возникали в той или иной форме на всем протяжении фашистского господства. Думается, что в основе этих легенд о двух Гитлерах — истинном и мнимом — лежало глубочайшее несоответствие между ничтожеством «настоящего» Гитлера и той властью, которую он получил. Люди, знавшие Адольфа Гитлера до 1933 года, были настолько ошеломлены его карьерой, что нуждались хотя бы в каком-то объяснении сего феномена.

Однако история знает лишь одного Гитлера — всемогущего тирана и узколобого интригана, главу германского вермахта и «богемского ефрейтора», обитателя венских ночлежек и фюрера, обладавшего поистине безграничной властью.

* * *

Мы сознательно так подробно рассказали о первых годах жизни Гитлера. Сознательно привели столь длинные выдержки, в которых говорится о внешнем и внутреннем облике будущего фюрера. В этих выдержках важно, конечно, не то, что Гитлер был человек некрасивый и непривлекательный. Важно другое. Всем, наблюдавшим Гитлера до его прихода к власти, бросалась в глаза его незначительность, немасштабность. Между тем эти черты часто игнорируются буржуазными учеными. Вот что пишет западногерманский философ Фридрих Мейнеке: Гитлер являет собой «один из самых поразительных, неподдающихся учету примеров мощи личности и ее влияния на историю». Историк Герхардт Риттер заявляет, что фашизм — это «победа аномального, демонического рок». Гитлера он, по-видимому, считает персонификацией аномального начала и демонизма. Другой западногерманский историк Якобсен говорит, что Гитлер был «фанатичным народным вождем, одержимым своей исторической миссией». Уже цитировавшийся Ширер в книге «Взлет и падение третьего рейха» пишет: «Без демонической одержимости Гитлера, без его железной воли, зловещих инстинктов, беспощадности, выдающегося интеллекта, поразительного фанатизма, удивительной способности оценивать людей и схватывать обстановку — без всего того, чем он обладал и что он утерял, опьяненный властью и успехом, не существовало бы третьего рейха». Если верить Ширеру, то не потеряй Гитлер своей демонической одержимости и железной воли, история пошла бы иным путем. Очень опасная теория! И очень удобная для воскрешения легенды о фюрере. Ведь, приняв за данное все те превосходные степени, какими Ширер наделил Гитлера, можно считать, например, что Гитлера предали или «недооценили».

Еще дальше пошел Гердт Калов в своей книге «Гитлер — всеобщая немецкая травма». Он пишет: «Гитлер был гений и, как он достаточно часто говорил сам, художник с ног до головы. Худож-

ник, которому вся нация служила для его личного самовыражения... Он был режиссером, повелевавшим массами, как хором, в духе своих эстетических принципов. Мы были актерами и статистами в его постановке, этой величайшей из вагнеровских опер всех времен». И далее: «Мировая война была гениальнейшей импровизацией величайшего из диковинных полководцев всех эпох...» А вот как объясняет Калов массовое уничтожение людей в концлагерях: «Миллионы людей были сметены с лица земли... превращены в дым только потому, что режиссер счел их уродливыми, недостойными его эстетического мирового театра». Главное, что видит в гитлеризме Калов, — это чудовищную дисгармонию между представлениями («идеалом») Гитлера и реальностью. Для него Гитлер — это великий безумец, «идеалы» которого нельзя было воплотить в жизнь...

Все это чистая фантазия! Там, где историк рассматривает личность Гитлера, у него нет решительно никаких оснований считать его гением. Раковые клетки, по отзыву ученых, очень примитивны и даже невзрачны. Это не мешает им уничтожать куда более совершенные клетки мозга. История знала очень многих тиранов, сатрапов и абсолютных властителей, мозговой потенциал которых был намного ниже среднего потенциала их подданных. Кто-то из писателей сказал, что человека, вооруженного мечом, нельзя считать сильнее человека без меча, палача — сильнее жертвы. «Гением» и «великим режиссером», выражаясь словами западногерманского историка Калова, Гитлера сделали реакционные верхи немецкого общества, которые дали ему власть, заводы, тюрьмы, танки, армию.

В первой трети XX века в Германии была установлена система, именуемая национал-социализмом. Как уже сказано, неотъемлемой особенностью этой системы было то, что у нее должен был быть свой «гений», «фюрер», персонифицированный «идеал», «кумир», «идол», «божество». Без этого не могли крутиться колеса государственной машины национал-социализма. Мог ли стать этим идолом, богом, фюрером другой человек? Скажем, Рем, Штрассер или Геринг? На наш взгляд, это праздный вопрос. Идолом, фюрером этой системы стал Гитлер. Но так же, как вся эта система была создана в результате рокового стечения обстоятельств, случайных и не случайных, субъективных и объек-

тивных факторов, с помощью множества конкретных лиц — партийных функционеров, пропагандистов, палачей, аристократов и промышленников-мультимиллионеров, генералов и уголовников, юнкеров и недоучившихся философов, точно так же был создан и Гитлер, тот Гитлер, который вошел в историю...

Люди, присутствовавшие на Нюрнбергском процессе, и письменно и устно заявляли, что одно из самых потрясающих впечатлений этого многомесячного процесса было несоответствие между ничтожностью обвиняемых и грандиозностью зла, которое они совершили.

В мировой войне, развязанной фашизмом, погибло около 55 миллионов человек. Гитлер привел Германию к невиданной катастрофе, умертвил миллионы узников концлагерей. Эти факты и цифры обладают, по-видимому, и некоей магической силой. Фашистские злодеяния настолько чудовищны, что некоторые историки на Западе придают самому Гитлеру несвойственную ему масштабность.

* * *

...В ноябре 1918 года Гитлера выписали из лазарета. Деваться ему было некуда, и он нанялся конвойным в лагерь для военнопленных в Траунштейне. Однако в марте 1919 года лагерь распустили, пленные были отправлены на родину. Гитлер снова очутился в Мюнхене. Но в Мюнхене, как мы уже говорили, власть взял в руки народ. Была образована Баварская Советская Республика. Ликование царило на улицах города, по которым озлобленный Адольф Гитлер пробирался в свои старые казармы. Там с разрешения офицеров он и поселился. И когда в первых числах мая срочно подтянутые из Берлина войска рейхсвера, части баварского «фрейкора» и мюнхенская «черная сотня» уничтожили Советскую республику, Гитлер выплыл на поверхность.

В 1919 году германская реакция впервые использовала будущего фюрера. Гитлер получил задание: собирать данные для комиссии по расследованию революционной деятельности при 2-м баварском пехотном полку, т. е. шпионить за солдатами, которые сочувствовали Советам, и доносить на них офицерам. Сошлемся вновь на историка из ФРГ Мазера, который с невероятной скрупулезностью более чем четверть века спустя после

крушения гитлеризма собирал факты из «личной» биографии Гитлера. «С уверенностью можно сказать, — писал Мазер, — что Гитлер получил задание обнаруживать унтер-офицеров и рядовых, которые в пору Советов, созданных в Мюнхене, сочувствовали коммунистическим Советам».

По всей видимости, Гитлер хорошо справился со своим делом. Но это еще ничего не значило. Людей, готовых на любые низости, было тогда в Германии достаточно. И, возможно, выполнив эту свою роль осведомителя рейхсвера, он так и не вышел бы на историческую сцену, если бы баварскими войсками не командовал реакционнейший генерал фон Эпп и если бы его ближайшим помощником и политическим советником не был капитан Эрнст Рем.

Рем, убитый Гитлером ровно через 15 лет после этих событий, был законченным ландскнехтом. Свои дни он проводил в казарме, а ночи в «Эльдорадо», мюнхенском притоне гомосексуалистов. Выступавший в то время как представитель реакционной части рейхсвера, Рем был не только первым начальником Гитлера, но и первым человеком, который разглядел в бывшем ефрейторе качества, нужные реакции.

«Рем, — пишет уже упомянутый Гросс, — был крайне заинтересован в том, чтобы завербовать побольше людей, которым некуда было деваться после роспуска армии... И вот Рему доложили, что среди демобилизованных солдат есть субъект по имени Адольф Гитлер и этот Гитлер, хоть и полоумный, может ораторствовать в течение часа без перерыва, громя красных, разглагольствуя насчет «удара ножом в спину» и прославляя старую армию. Единственный его недостаток — скверный немецкий язык, смесь австрийского и баварского диалектов. За две марки в день Гитлер был нанят Ремом в качестве агента по секретным поручениям. Он должен был докладывать шефу все, что ему удавалось подслушать в казармах».

Рем отправил Гитлера на специальные курсы рейхсвера, где обучались будущие политические агенты. Окончив курсы, Гитлер стал «офицером-воспитателем», не получив, впрочем, офицерского звания. Но обязанности Гитлера остались те же самые, только несколько расширились: его теперь засылали на собрания различных групп, фракций, карликовых партий, чтобы уз-

нать, надо ли рейхсверу с ними бороться или же их можно использовать. Кроме того, ему разрешили публично выступать. И тут он открыл в себе «бесценный дар». В «Майн кампф» есть такие слова: «То, что я в себе раньше не знал, хоть и ощущал по простому наитию, оказалось правдой. Я мог «говорить».

12 сентября 1919 года Гитлер получил задание от политического отдела рейхсвера заняться небольшой группой, которая называла себя «Немецкая рабочая партия». Ему надлежало отправиться в маленькую мюнхенскую пивную Штернеке, где проходило собрание этой партии, на котором должен был выступать некий Готфрид Федер.

За несколько недель до этого Гитлер слышал Федерера на курсах рейхсвера. Для будущего фюрера прилично одетый инженер Федер с аккуратно подстриженными усиками был верхом образованности и респектабельности. На самом деле Федер представлял собой доморощенного мелкобуржуазного философа, которых тогда в Германии появилось не меньше, чем партий. Федер написал брошюру «Как сбросить ростовщичество?». Согласно его теории, в мире существовало два капитала: «спекулятивный» и «продуктивный», он же «чисто национальный». Для борьбы со «спекулятивным капиталом» Федер образовал в 1917 году Немецкий боевой союз для уничтожения процентного рабства, небольшую группку, которая вскоре распалась.

Речь Федерера на собрании Немецкой рабочей партии (он громил «спекулятивный капитал» стран-победительниц) очень понравилась Гитлеру. Дело тем и кончилось бы, если бы на смену Федеру не вышел другой оратор и не стал спорить с ним. Этот оратор утверждал, что первостепенной задачей всех баварцев является не борьба с иностранным капиталом, а отделение Баварии от остальной Германии, Этого Гитлер не мог перенести, он вскочил с места и, дико жестикулируя, начал, как сейчас сказали бы, «толкать речь», Темперамент Гитлера пришелся по вкусу одному из председателей партии Антону Дрекслеру, который дал будущему фюреру, когда тот собрался уходить, свою брошюру «Мое политическое пробуждение». Через несколько дней Гитлер получил по почте открытку, в которой Дрекслер сообщал ему, что он зачислен в Немецкую рабочую партию. По совету Рема Гитлер решил принять предложение Дрекслера.

Немецкая рабочая партия образовалась из так называемого «Политического рабочего кружка», организованного второсортным журналистом Карлом Харрером, и «Комитета независимых рабочих» — одного из детищ уже упомянутого Дрекслера. Из этих карликовых группок выросла не менее жалкая партия, насчитывавшая человек сто. Гитлер получил билет за номером семь.

Два простых аргумента заставили его связать свою судьбу со столь несолидным предприятием. Первый заключался в том, что в брошюрах Дрекслера и Федерера была та социальная демагогия, которая могла объединить вокруг партии широкий слой деклассированных мелких буржуа, тысячи людей, выбитых из привычной колеи войной и послевоенной разрухой. Второй аргумент был еще проще: ни в одной другой более сильной партии Гитлер не мог бы выдвинуться. Приходилось считаться и с этим.

Итак, Адольф Гитлер дал себя завербовать. Очень скоро он покончил с Харрером, первым председателем партии. Следы Харрера теряются во мраке.

С помощью ряда интриг Гитлер расправился также и со вторым председателем — Дрекслером — и тот канул в небытие после 1927 года.¹⁵

Вступив в партию Харрера — Дрекслера — Федерера, Гитлер, так сказать, «сожрал» ее изнутри, оставив одну оболочку. Много позднее, в неизмеримо больших масштабах, то же произошло и с веймарским государственным аппаратом.

Решающим для карьеры Гитлера уже на первом этапе было то, что он установил самые тесные связи с баварскими капиталистами. Правда, в тот период его поддерживали только второстепенные представители власть имущих в Германии. До первых «трехсот семейств» ему было не дотянуться. Но тот факт, что будущий фюрер с самого начала предпринял шаги, чтобы наладить связи с промышленниками, имеет принципиальное значение. Не надо забывать, что нацистская партия выступала под флагом борьбы с «плутократами», широко пользовалась социальной демагогией. И в то же время фюрер этой партии заискивал перед «плутократами», делал на них ставку.

Первой из мюнхенской знати признала Гитлера семья Бехштейн — крупнейшего фабриканта роялей, имевшая обширные связи не только в Германии, но и в других странах. (Элен Бехштейн, жена баснословно богатого дельца, на старости лет ста-

ла обхаживать в своем салоне представителей богемы, а также откровенных шарлатанов и «непризнанных гениев»). Вскоре Гитлер стал постоянным фаворитом семьи Бехштейн.

Финансовую поддержку Гитлеру оказывала также семья Зейдлиц, точнее говоря, Гертруда Зейдлиц, совладелица немецких и финских бумажных фабрик. Наконец, Гитлера систематически подкармливали крупные баварские издатели Ханфштенгли, связанные через жену Ханфштенгля — американку, с американскими бизнесменами. В возвышении Гитлера Ханфштенгли сыграли немалую роль; особенно помогал фюреру их сын Эрнст, по прозвищу «Путци», который даже был одно время начальником отдела печати в нацистской партии. В двадцатых годах Гитлера поддерживали также и другие, не менее влиятельные, чем Ханфштенгли, издатели — Брукманы.

Эти миллионеры наряду с рейхсвером щедро субсидировали фашистское движение и его фюрера. Так, например, в 1920 году, когда нацисты задумали купить разорившуюся газетенку под названием «Фелькишер беобахтер», они получили первоначальную сумму в 60 тысяч марок из секретных фондов рейхсвера, а остальные суммы, необходимые для поддержания листка, от Бехштейнов, Зейдлицев, Ханфштенглей и др. Причем известно, что друзья Гитлера платили ему в те годы не в обесцененных немецких марках, а в долларах.

Таким образом, у колыбели немецкого фашизма стояли крупные баварские буржуа, капиталисты с международными связями. Их дружба с бывшим обитателем ночлежки, выдававшим себя за «бунтаря» и «потрясателя основ», объяснялась не столько снобизмом немецкой буржуазии, желанием «пощекотать себе нервы», сколько ее стремлением использовать деклассированные элементы для борьбы с левой интеллигенцией и вообще с прогрессивными слоями общества.

Анализируя причины возникновения национал-социалистского движения в веймарской Германии и возвышения его фюрера, Курт Бахман в упомянутой нами книге «Правда о Гитлере»¹⁶ особо отмечает воинственный антисоветизм Гитлера.

«Он (Гитлер. — Авт.) постиг, что разнuzданный антикоммунизм, проклятия в адрес большевистской революции в Советской России и ее выдающегося вождя Ленина, злобные анти-

семитские тирады, яростные нападки на империалистический Версальский диктат вполне подходят, чтобы вызвать аплодисменты и привлечь сторонников.

Когда крупный капитал нуждается в определенной политике, то всегда находится политик, который соответствует имеющимся представлениям».

Антисоветизм и антикоммунизм были паролем наиболее реакционной части тогдашнего немецкого общества, и Гитлер этот пароль усвоил уже на заре своей деятельности.

* * *

До 1930 года вся энергия Гитлера была направлена на создание сильной партии нацистов. Однако здесь надо сразу же оговориться. Партия, организованная Гитлером, не имела ничего общего с обычными буржуазными партиями. Характерно, что сами гитлеровцы иногда называли свою партию партией, а иногда — «движением». Программа партии, составленная в 1920 году, так называемые «двадцать пять пунктов», преследовала чисто пропагандистские цели и состояла из разного рода демагогических лозунгов. Никакой теоретической и практической платформы, которая была бы обязательна для руководства нацистской партии — НСДАП,¹⁷ не было: ее членом связывала не программа, а круговая порука, а в дальнейшем до тонкости продуманная система привилегий и общность преступлений.

В гитлеровской партии не проводилось ни собраний, ни дискуссий, ни съездов в том виде, в каком они проводятся в других буржуазных партиях. Нацистские собрания и съезды были чисто зрелищными, пропагандистскими мероприятиями, заканчивавшимися зачастую военными парадами. При приеме в нацистскую партию существовали ограничения: в нее могли вступать только «расово полноценные немцы». Из этой диковинной партии нельзя было уйти по доброй воле, зато из нее изгоняли «недостойных», а потом обычно убивали: до 1933 года с помощью наемных убийц, после 1933 года с помощью государственного аппарата насилия — в тюрьмах и концлагерях.

Партийный аппарат сверху донизу был подчинен воле одного человека. Нацистская партия с самого начала была парти-

ей фюрера. Все партийные чиновники назначались Гитлером и были ответственны только перед ним. Личные, иногда мимолетные симпатии и антипатии Гитлера значили больше, чем занимаемый пост, стаж, «заслуги» того или иного нациста.

Так, например, личный шофер Гитлера Эмиль Морис в двадцатых годах или же начальник личной охраны Гитлера эсэсовский генерал Зепп Дитрих (это было много позже) обладали большей реальной властью и весом, чем гаулейтеры, т. е. областные руководители нацистской партии, а впоследствии — чем имперские министры. Наконец, в конце войны начальник партийной канцелярии фюрера Борман стал фактическим руководителем правительства Германии.

Словом, нацистская партия представляла собой иерархически-бюрократическое образование, построенное не то как военная часть, не то как некая террористическая организация, своего рода «мафия».

Однако не следует думать, что уже в 1919—1920 гг. Гитлер ясно и отчетливо представлял себе структуру и принципы построения будущей партии, как это изображали потом апологеты нацизма.

Фюрер не раз заявлял, что в политике он признает только «импровизацию». Однако импровизации Гитлера были всегда обусловлены потребностями социально-экономических сил, которым он служил. В 1919—1920 гг. социальный заказ реакции был ясен: создание массовой организации, которая могла бы бороться со все усиливающимся влиянием идей социализма на немецкий народ. Поэтому первостепенной задачей Гитлера стала вербовка новых членов. Весь вопрос состоял в том, как и где их завербовать.

О том, как Гитлер вербовал своих приверженцев, написано очень много, ибо это связано с основным «козырем» нацизма — фашистской пропагандой. Но очень важно также понять, что Гитлер, Рем и другие организаторы нацистской партии четко определили сферу своей деятельности, те слои общества, на которые они могли рассчитывать как на свой потенциальный резерв. Где же вербовались члены будущей НСДАП?

Попытка переворота, предпринятая нацистами в 1923 году, т. е. за десять лет до их прихода к власти, вошла в историю под

названием «пивной путч». Вообще слово «пивная» фигурирует в летописи нацистского движения очень часто. Первое собрание будущей фашистской партии с участием Гитлера произошло, как мы уже говорили, в пивной Штернеке. Первые массовые нацистские митинги, на которых выступал Гитлер, состоялись в «Хофбройхаузкеллере», т. е. в одной из самых больших мюнхенских пивных. Дальнейшие события в жизни национал-социалистской партии связаны с «Бюргербройкеллером», другой известной пивной Мюнхена. Впоследствии в парадном зале «Бюргербройкеллера» проводились ежегодные встречи «старых борцов», и пивная эта стала чем-то вроде Мекки фашистского движения. Наконец, служебные помещения нацистской партии в первые годы располагались в задних комнатах пивной Штернеке.

Словом, пивная, пивная, пивная... И это нельзя считать просто забавным совпадением.¹⁸ Завсегдатаями пивных были те мелкие буржуа Веймарской республики, к которым апеллировал Гитлер. Они только что сняли с себя военную форму, в их крови еще бродил военный хмель, и положение у многих из них было отчаянное. В стране царил голод. Деньги теряли ценность. Обыватели отчаялись, были озлоблены, задерганы, ждали чуда, «сильной руки».

И вот к чему это приводило.

3 октября 1919 года Гитлер впервые выступил в «Хофбройхаузкеллере», аудитория его состояла всего из ста человек.

В том же месяце он выступил снова в той же пивной. На этот раз там собралось 180 человек.

Через неделю аудитория Гитлера возросла до 200 человек.

В феврале 1920 года Гитлеру удалось организовать митинг в самом большом зале «Хофбройхаузкеллера». На этот митинг пришло 2000 человек.

И наконец, спустя несколько месяцев Гитлер выступал в огромном цирке Кроне, и зал был битком набит. По выражению Яльмара Шахта, будущего финансового «гения» нацистской Германии, Гитлер «отлично играл на струнах, настроенных в унисон мещанским сердцам».

А вот, пожалуй, еще более красноречивые цифры: в 1919 году в мюнхенской нацистской партии насчитывалось всего 100 человек, а в конце 1920 года — 3000 человек.

Не надо думать, однако, что только Гитлер подвизался на «пивном» поприще, что только он пытался играть на струнах мещанских сердец. В разных концах Германии возникали массовые организации деклассированных элементов, примерно того же типа, что и мюнхенская партия Гитлера. Так, в Нюрнберге Штрейхер сколотил Немецкую социалистскую партию, полууголовную антисемитскую группку, которая поставила на своей вывеске в целях маскировки слово «социалистская». В Аугсбурге некий доктор Дикель возглавил «Рабочий союз». В Австрии и в Судетах была организована Немецкая национальная социалистская рабочая партия.¹⁹ Непосредственным предшественником этой партии явился созданный в Австрии еще перед войной Немецкий национальный союз, лидерами которого были Вальтер Диль и Рудольф Юнг. Мюнхенская партия Гитлера была связана с Немецкой национальной социалистской рабочей партией, в Зальцбурге проводились их совместные встречи. И будущий фюрер не преминул этим воспользоваться — он «позаимствовал» у венских фашистов их название (несколько переставив буквы) и их эмблему — свастику. Впрочем, австро-судетские нацисты, в свою очередь, украли эту эмблему у венских националистов, которые проводили свои демонстрации под знаком свастики.

Первые годы гитлеровцы формально сотрудничали не только с австрийскими нацистами, но и со всеми перечисленными группами. Потом они постепенно поглотили их... Но здесь важно подчеркнуть другое — идея завоевания завсегдаев пивных, т. е. относительно широких масс мещанства, при помощи националистических и псевдосоциалистических лозунгов возникла одновременно у многих лиц. Идею эту поддерживал и рейхсвер.²⁰ Это видно хотя бы по тому, что Рем вступил вскоре после Гитлера в мюнхенскую нацистскую партию.

Однако не следует думать, что гитлеровцы ограничили круг своих приверженцев исключительно мелкими буржуа, Первоначально одним из поставщиков партийных кадров стал преступный мир. О том, насколько тесно фашистская партия была связана с этим миром, видно по ее верхушке. Так, Юлиус Штрейхер, близкий друг Гитлера с двадцатых годов по 1945 год и крупнейший функционер нацистской партии, получил на заре своей карьеры четыре года тюрьмы за сексуальное преступление,

жертвой которого стала девятилетняя девочка. Герман Эссер, ближайший друг Гитлера в первые годы его деятельности, его наставник по вопросам пропаганды, был хорошо известен мюнхенской полиции как сутенер. Сам Гитлер признавал, что Эссер «отъявленный подлец». Эккарт, в ту пору непререкаемый авторитет для нацистов в вопросах культуры, был наркоманом. Одним из приближенных Гитлера до 1923 года был Шейбнер-Рихтер, темный тип, служивший, между прочим, в царской охранке. Всю войну он провел в Константинополе. В 1923 году карьера Шейбнера оборвалась. Он был убит во время «пивного путча». Наконец, первый покровитель Гитлера и второе лицо в партии — Рем был гомосексуалистом и весьма близко соприкасался с уголовным миром. Его ближайшим другом являлся Хейнес — убийца и шантажист. Это была, так сказать, первая когорта нацистов, но, как мы увидим потом, и вторая когорта не отличалась от первой. Роберт Лей, руководитель «Трудового фронта» в нацистской Германии, был алкоголиком. Второй человек в государстве — Геринг, по официальному врачебному свидетельству международных экспертов в Нюрнбергском трибунале, много лет был наркоманом. Мартин Борман начал свою карьеру в двадцатых годах со зверского убийства.

Разумеется, все это не являлось случайностью. С точки зрения Гитлера, люди с темным прошлым, с нечистой совестью имели свои преимущества: они были преданы «идее», «делу», они были всем обязаны своему фюреру и, сверх того, полностью лишены «предрассудков», т. е. порядочности, «сдерживающих центров». Такие люди и создали, если можно так выразиться, моральную атмосферу нацистской партии, тот дух преступлений, который был ей присущ с первых до последних дней.

* * *

Уже в двадцатые годы немецкие фашисты, как мы видим, раз и навсегда решили вопрос: кого и где им надо вербовать. При этом они и здесь совершили ловкую подтасовку: собирая подонков общества, кричали, что опираются на массы, агитируя среди завсегдатаев пивных, уверяли, что агитируют среди пролетариев, спланивая асоциальные элементы, твердили, что делают ставку на «революционеров», подбирая алкоголиков, наркома-

нов и гомосексуалистов, восхваляли здоровых мужчин со здоровым «нутром».

Однако оставался еще вопрос, какими методами сколачивать нацистскую партию. И это тоже была немаловажная проблема, ибо для того, чтобы о кучке безвестных политиканов, руководимой рейхсверовским агентом, заговорили, ей необходимо было повести за собой внушительную толпу.

Первым занялся широкой пропагандой нацистской партии уже упомянутый Эссер, который так же, как и Гитлер, служил платным агентом рейхсвера. Однако Эссер был куда «цивилизованней» Гитлера, и его пропагандистские «находки» оказали нацистам неоценимые услуги. Эссер ввел так называемую «пропаганду балагана» — огромные красные плакаты, нечто вроде цирковых афиш. По его же совету нацисты разбрасывали листовки с грузовиков, используя для этого всякие поводы, к примеру, ярмарки, народные гулянья и т. п. Уже Эссер сформулировал основной закон нацистской пропаганды: броскость и беззастенчивость. На первых порах пропаганда нацистов буквально ошеломила немцев, ибо она походила не на политическую пропаганду, а скорее на поразительно навязчивую торговую рекламу. Так, например, во время вагнеровских торжеств в Байрейте в начале тридцатых годов посетители поглощали конфеты, на обертке которых была изображена свастика, и ели сосиски с картонных блюдец, на которых был вытиснен портрет фюрера. Для Германии тех лет такие американские методы рекламы и пропаганды были новинкой.

А вот еще образчик пропагандистского стиля нацистов. Один из первых серийных плакатов, который Геббельс выпустил в Берлине в 1928 году, заняв пост берлинского гаулейтера, гласил:

«ИМПЕРАТОР АМЕРИКИ» ГОВОРИТ В БЕРЛИНЕ».

Ниже мелкими буквами сообщалось, что «доктор Геббельс, гаулейтер Берлина», будет выступать тогда-то и там-то. «Император Америки», как видим, больше не упоминался...

Можно с полным правом утверждать, что истинными открывателями беззастенчивой тотальной рекламы были гитлеровцы. Только для них она стала не орудием коммерции, а орудием политики.

Огромное значение, гораздо большее, чем программе, придавал Гитлер символическим. Существует большое количество его высказываний, в которых он с завистью и одобрением отзывался о символических и обрядах католической церкви.²¹

В 1920 году был введен значок нацистской партии. В том же году Гитлер утвердил флаг НСДАП — красное полотнище и на нем белый круг с черной свастикой. Красным цветом нацисты пытались ввести в заблуждение германских трудящихся.

Если красный цвет гитлеровцы украли у рабочих партий, а свастику у нацистских венских кружков, то так называемое «немецкое приветствие» (правая рука с силой выбрасывалась вверх) они взяли у итальянских фашистов, которые называли это же приветствие «римским».

В 1924 году была введена пресловутая «коричневая рубашка», форма штурмовиков, опять-таки вариант «черной рубашки» — формы молодчиков Муссолини. Зато «изобретением» самих нацистов были слова «Хайль Гитлер!», заменившие сперва в гитлеровской партии, а потом и в империи фашистов все остальные приветствия: «Хайль Гитлер!» говорилось при встречах и расставаниях. Каждая официальная бумага кончалась словами «Хайль Гитлер!». Случалось даже, что человек попадал в концлагерь на том основании, что он сказал своему соседу «здравствуйте» вместо «Хайль Гитлер!». Автором этой формулы считается Геббельс. Однако до того, как нацистское приветствие было введено, «обожествление» Гитлера прошло множество стадий. Прежде всего ему был присвоен «титул» фюрера. Уже в 1921 году Гитлер именовался на партийных плакатах фюрером НСДАП Адольфом Гитлером, а с ноября 1922 года его титул писался так: «Наш фюрер Адольф Гитлер».

В фашистской «религии» имелись свои специалисты и знатоки, и они все время совершенствовали нацистские обряды. Так, например, кроме обычных партийных значков, были введены золотые партийные значки, и ритуал их вручения «особо отличившимся» членам партии все время усложнялся. Уже в двадцатых годах в НСДАП появилось множество знаков различия и отличия, рангов, званий.

Одной из самых первых и основных нацистских церемоний была церемония собрания. Существует множество описаний на-

цистских сборищ, сделанных очевидцами. Приведем в сокращенном виде хотя бы одно из них, взятое из книги журналиста Лохнера «Что делается в Германии?»: «Уже за много часов до начала митинга толпы людей устремляются к месту сбора... Зал и арена битком набиты, в то время как снаружи тысячи людей слушают громкоговорители... Возбуждающие марши поддерживают толпу в приподнятом настроении. В разных частях зала гигантские плакаты повторяют лозунги собрания: «Мы требуем колоний» или «Инородец — наше несчастье», или «Мы хотим нового порядка Адольфа Гитлера»... Крики «Хайль!»... Сперва появляется местный районный руководитель и глава местных штурмовиков. Еще через десять минут — новая буря криков «Хайль!». К центральной трибуне шествует кто-нибудь из верхушки партии: Геринг, Геббельс, Гиммлер... Наконец под музыку военных маршей, специально написанных для этой части ритуала, торжественно вносят флаги и штандарты всех присутствующих организаций. Их устанавливают позади трибуны. Лихорадочное возбуждение охватывает людей... И тут в толпе, выстроившейся за много кварталов от зала, где происходит митинг, раздаются истерические выкрики... Появился фюрер... Вот он уже у входа в зал — идет, не глядя по сторонам, правая рука поднята вверх, левая — у пряжки пояса. Он не улыбается. Ведь это религиозное действо. Позади него — охрана и адъютанты. Но только его фигура залита потоками света...»

Разумеется, так проходили далеко не все собрания, а только самые парадные. Но принцип устройства этих зрелищ был установлен раз и навсегда — гитлеровцы били на самые дешевые эффекты. Они превращали политику в балаган, а свои митинги в цирковые представления.

Уже в двадцатых годах на собраниях нацистов большая роль отводилась так называемым «говорящим хорам» — группе заранее подготовленных молодчиков, которые время от времени скандировали те или иные лозунги, кричали «Хайль!» и вообще подогревали толпу. Известно также, что ни Гитлер, ни Геббельс, ни другие главные ораторы фашистской партии не являлись в зал к назначенному часу. В этот час они сидели обычно в ближайшем кафе и ждали, пока собравшихся не доведут до исступления криками и маршами.

Апофеозом всей зрелищной нацистской пропаганды были так называемые «партийные съезды» в Нюрнберге, последний из которых проходил в 1938 году... Характерно, что министр пропаганды Геббельс был фактически отстранен от этой церемонии, главным распорядителем ее являлся фюрер.

Плацы для парадов в Нюрнберге были весьма внушительны — на одном из них собиралось 120 тысяч человек, на другом, тек называемом Цеппелиновом поле, — 140 тысяч участников и 100 тысяч зрителей. Нацисты имели также в своем распоряжении огромные залы.

Собственно, заседания нюрнбергских съездов состояли в том, что отдельные партийные чиновники и представители местных организаций прочитывали заранее составленные «рапорты». Но гвоздем программы были парады: различные нацистские организации проходили церемониальным маршем перед трибунами, на которых стоял фюрер и его ближайшее окружение. Каждый день в Нюрнберге проводился парад: шли то так называемые «политические руководители» партии, то представители «Трудового фронта», то юноши и девушки из гитлерюгенда — фашистской молодежной организации и из «Союза девушек-нацисток», то, наконец, военные части. В среднем мимо трибун проходило после 1933 года около миллиона человек, собранных со всей страны. А в первое время, когда о таких цифрах нацисты не могли и мечтать, они попросту блефовали — прогоняли отдельные организации по нескольку раз.

Все было продумано до мельчайших деталей, каждое движение тщательно разучено и отрепетировано, все заранее сконструировано, рассчитано...

Съезд был своего рода символом «третьей империи»: здесь не размышляли, не спорили, тут только внимательно слушали, приветствовали, маршировали, пели, стояли по стойке «мирно», кричали «Хайль!». «Человек растворялся в толпе, отдельного индивидуума больше не существовало...» — заметил западногерманский историк Хайбер, очень убедительно описавший нюрнбергские мистерии.

Большое внимание нецисты уделяли и, так сказать, теории пропаганды.

В «Майн кампф» Гитлер с редким цинизмом и беззастенчивостью изложил некоторые рецепты обращения с «массой». Не следует думать, однако, что причина сего — чистосердечие или наивность Гитлера. Цинизм — это тоже своего рода пропаганда. Кроме того, Гитлер в «Майн кампф» не открыл и десятой доли своих пропагандистских секретов.

Что же говорится в «Майн кампф» о пропаганде, о методах вербовки сторонников нацистской партии?

Прежде всего Гитлер признает, что вся его тактика построена на использовании слабости людей. Массу он характеризует следующим образом: «Широкие массы состоят отнюдь не из одних профессоров и дипломатов, и те незначительные отвлеченные знания, которыми они (массы. — Авт.) обладают, направляют их скорее в сферу чувств. Их положительные и отрицательные эмоции, обусловленные чувством, являются благодаря этому необычайно стойкими. Веру труднее поколебать, нежели знание, любовь меньше подвержена переменам, нежели уважение, ненависть более длительна, нежели неприязнь; движущей силой всех гигантских переворотов являлись не научные открытия — они не воодушевляли массы, — а овладевавший массами фанатизм и иногда также подстегивавшая их истерия...» И далее: ключ к овладению массами лежит «не в объективности, стало быть, не в слабости, а в золе и в силе». Гитлер неоднократно сравнивал толпу с женщиной, которая-де «любит повелителя больше, чем просителя».

Итак, фанатизм, истерия, явная «необъективность» — вот что может увлечь мещанскую, обывательскую массу, которая в глубине души мечтает о «повелителе»... Как ни убога эта «теория», но именно она была одной из движущих сил фашизма в Германии, рассчитанная на одурачивание широких слоев немецкого народа.

В «Майн кампф» даются также некоторые совершенно конкретные советы по части пропаганды. «Восприимчивость масс, — заявлял Гитлер, — очень ограничена, понимание — незначительно, зато забывчивость велика». Из этого Гитлер делал вывод: «Только того, кто будет повторять тысячи раз простейшие понятия, масса захочет запомнить». А вот вторая рекомендация фюрера: «Если уж врать, то врать беззастенчиво; крупной лжи пове-

рят скорей, чем мелкой... Люди и сами иногда лгут в мелочах, но чересчур большой лжи они стыдятся. Поэтому им не придет в голову, что их так нагло обманывают».

Общеизвестно, что Гитлеру, а также другим нацистским фюрерам — Геббельсу, Герингу и т. д. — удавалось доводить собравшихся до исступления. Этому способствовали те пропагандистские приемы, о которых мы писали выше, вернее даже не пропагандистские приемы, а разработанная до мельчайших деталей технология психологического воздействия на толпу. И здесь мы, на наш взгляд, подходим к весьма существенному моменту, определявшему фашистскую пропаганду. Пропаганда эта была пропагандой человеконенавистничества, пропагандой ненависти; нацисты всегда находили объекты для подстрекательства, находили врагов, повинных якобы в тех или иных неудачах немецкого мелкого бюргера. Как остроумно заметил западногерманский писатель Кристиан Гейслер, они даже «нумеровали своих врагов». Врагом № 1 для них были прежде всего коммунисты, затем представители «низших рас», особенно те народы, на которые Гитлер готовился напасть. Но кроме врага № 1, существовало еще и множество других врагов — «шептуны», «шпионы», «нытики», «нигилисты» и т. д.

И наконец, важнейшей составной частью фашистской пропаганды была тактика устрашения. Уже на ранних этапах Гитлер использовал насилие и террор как важное оружие. С помощью террора он внушал обывателю мысль о силе нацистов и необходимости послушания, запугивал малодушных, воодушевлял громил...

Однако для такого рода пропаганды устрашения необходимы были соответствующие организации. И вот уже в двадцатых годах нацисты начинают сколачивать отряды головорезов, свою армию. Основными кадрами этой армии были люди Рема из «фрейкора». Летом 1920 года возникли первые фашистские «боевые отряды», зародыши будущих СА. Однако в 1921 году по настоянию Антанты правительство было вынуждено распустить всякого рода военизированные и полувоеенизированные организации. Гитлер обошел этот запрет. 3 августа 1921 года при НСДАП создается так называемое «гимнастическое и спортивное отделение», которое, как нетрудно догадаться, не имело никако-

го отношения ни к гимнастике, ни к спорту. И наконец, 5 октября 1921 года «отделение» реорганизуется и получает новое, на этот раз окончательное название — СА, то есть Sturmabteilungen, «штурмовые подразделения». Первым руководителем реорганизованного СА стал Клинч, один из убийц известного политика, министра финансов веймарского правительства Эрцбергера, принадлежавшего к католической партии «Центр».

С этого времени история нацистской партии тесно связана с историей штурмовиков. И если впоследствии армия штурмовиков стала огромной силой, то первоначально штурмовики выполняли явно подсобные задачи: они должны были избивать всех, кто пытался дискутировать с фашистскими ораторами на собраниях, мешать говорить представителям других партий, особенно, конечно, коммунистам, разгонять рабочие митинги и демонстрации и вообще терроризировать людей, внушать им, что с нацистами опасно связываться.

В ноябре 1921 года штурмовики устроили свое первое побоище в зале пивной «Хофбройхаузкеллер». Позже термин «побоище в зале» или «зальное побоище» прочно вошел в нацистский обиход. Редкие массовые митинги в Мюнхене проходили без того, чтобы кого-либо из участников не отвозили в больницу. О «зальных побоищах» складывались легенды, о них писали в фашистской прессе, их «героев» превозносили до небес. В августе 1922 года штурмовики впервые вышли на улицу. А в октябре этого же года они напали на мирную рабочую манифестацию в Кобурге. В «честь» этого события был выпущен специальный значок, которым были награждены все штурмовики, избивавшие безоружных граждан Кобурга. Слова Гитлера о том, что нацистская партия — это «не клуб для дебатов, а боевая когорта», явно соответствовали действительности, если только под «боевой когортой» понимать банду громил.

В феврале 1920 года Дрекслер, Гитлер и Федер составили так называемую программу нацистской партии — «двадцать пять пунктов», которые, как мы писали выше, имели исключительно пропагандистское значение. Программа немецких фашистов была рассчитана на все вкусы, и прежде всего на вкусы обывателя, весьма мало сведущего в политике, но недовольного теми порядками, которые существовали в Веймарской республике.

Наряду с антисемитскими и националистическими лозунгами в нацистской программе были и пункты мнимо «антикапиталистические». Например, в пункте 11 гитлеровцы призывали экспроприировать нетрудовые доходы, в пункте 12 — конфисковать военные прибыли, в пункте 13 — передать государству концерны. Универсальные магазины, поглощавшие мелких торговцев, согласно программе, следовало обобществить и разделить (пункт 16). Вообще программа уделяла большое внимание мелким лавочникам — для них предусматривалось определенное государственное покровительство, Весьма «радикальна» была и аграрная часть этой насквозь демагогической программы — гитлеровцы обещали крестьянству аграрную реформу, безвозмездную экспроприацию помещичьих земель, отмену земельной ренты и запрещение земельных спекуляций.

В 1926 году Гитлер объявил партийную программу незыблемой, это было вызвано тем, что ее атаковало так называемое «левое крыло» партии под руководством Штрассера.

В заключение следует только добавить, что, придя к власти, гитлеровцы и не подумали выполнять свои 25 программных пунктов, они игнорировали их с той же беззастенчивостью, с какой впоследствии игнорировали свои обещания и обязательства как на внутренней, так и на международной арене.

В первые годы существования нацистская партия отнюдь не была столь монолитной, как гитлеровцы пытались изобразить это позднее. Ссоры и свары внутри НСДАП начались буквально со дня ее организации. Внутрипартийная борьба шла вокруг так называемого принципа фюрерства, т. е. вокруг вопроса об обеспечении безграничной власти фюреру — Гитлеру. Однако вначале самому Гитлеру даже не снился пресловутый принцип фюрерства — власть он узурпировал не сразу, а постепенно. Короткое время всеми делами в партии ведал комитет. На первом этапе Гитлер вытеснил, как мы уже писали ранее, одного из председателей комитета Харрера и сам стал председателем наряду с Дрекслером. В 1921 году, когда Гитлер уехал на некоторое время в Берлин, в партии начался против него бунт, который возглавил Дрекслер. Гитлер немедленно вернулся в Мюнхен и подал в отставку. Но это был чисто демагогический жест. Вовсе отказаться от Гитлера комитет не хотел. Сообразив это, будущий фю-

рер предъявил свой ультиматум — он открыто потребовал диктаторских полномочий и отстранения комитета от всякой практической деятельности сроком на шесть лет. Дрекслер и другие члены комитета в целях самозащиты выпустили листовку, в которой изложили свои претензии. Уже по этой листовке видно, на каком уровне велась борьба внутри нацистской партии. Дрекслер обвинял Гитлера в «личном честолюбии», «темных сообщниках» и «грязных целях». По Дрекслеру, Гитлер своими махинациями «играл на руку мировому еврейству». Гитлер подал на Дрекслера в суд по обвинению в клевете и оскорблениях и выиграл дело.²² Дрекслеру оказалось не под силу тягаться с куда более хитрым фюрером. Он был отстранен от всех дел в НСДАП, за ним остался, правда, на недолгое время титул «почетного председателя партии». Уже в 1921 году Гитлер стал фактическим хозяином нацистской партии. Тогда же он кооптировал на ключевой пост казначея своего бывшего однополчанина — фельдфебеля Амана. На этом первая «реорганизация» фашистской партии кончилась — ее бывшая верхушка была убрана.

ГЛАВА II. ПАРТИЯ НАЦИСТОВ: ТАКТИКА, ПОЛИТИКА, ИДЕОЛОГИЯ

Мюнхенский путч

О мюнхенском путче 8—9 ноября 1923 года существует огромная литература. Нацисты изображали его чуть ли не как революцию, которая, дескать, явилась для НСДАП генеральной репетицией перед захватом власти. В действительности мюнхенский путч, если рассматривать его в ряду других событий, разыгравшихся в бурные двадцатые годы в Германии, являлся одним из многочисленных реакционных заговоров. Вся гитлеровская «революция» была ликвидирована за несколько минут; вдобавок она носила чисто локальный характер — за пределами Баварии о ней узнали только после того, как состоялся процесс над Гитлером и его сообщниками. Однако по прошествии времени «пивной путч» был раздут до невероятных размеров и изображался как «этапное событие в политической жизни Германии»; сей факт явился одним из самых беззастенчивых фокусов нацистской пропаганды.

1923 год вошел в историю Германии как кризисный год. Классовая борьба настолько обострилась, что привела в ряде мест к вооруженным восстаниям пролетариата.

Крупная буржуазия пыталась найти выход из тяжелого экономического и внешнеполитического положения, в котором оказалась Германия, за счет трудящихся. Правительство Куно, стоявшее у власти, ввело в начале августа новые крутые меры по снижению жизненного уровня масс и подавлению революционного движения. В ответ на это берлинские рабочие объявили всеобщую забастовку, которая вскоре распространилась на многие города Германии. 12 августа Куно был вынужден подать в отставку. Тогда правящие круги Германии образовали правительство «большой коалиции», куда, вошли и правые социал-демократы. Фактическим руководителем коалиционного правительства стал Густав Штреземан.

Правящие круги Германии решили начать наступление на рабочий класс. В конце сентября во всей Германии было объявлено чрезвычайное положение. Крайние реакционеры восприняли это как сигнал для дальнейших действий, они потребовали провозглашения открытой военной диктатуры. 1 октября в городе Кюстрин так называемый «черный рейхсвер» под руководством майора Бухруккера решил свергнуть коалиционное правительство, Однако путч был быстро подавлен.

Революционно настроенные массы ответили на новые террористические меры правящих классов и вылазки фашиствующих элементов сплочением сил, боевыми выступлениями в защиту своих прав и интересов. В стране возник революционный кризис. Под руководством коммунистической партии в центральной Германии — особенно в Саксонии и Тюрингии — массы готовились к вооруженному отпору реакции. Под давлением народа в октябре 1923 года в Саксонии и Тюрингии были образованы рабочие правительства с участием коммунистов. Напуганная успехами рабочего класса Германии буржуазия настояла на предоставлении центральному правительству чрезвычайных полномочий. Правительство мобилизовало рейхсвер. В конце октября войска рейхсвера вступили в Тюрингию и Саксонию и свергли законные правительства в этих землях.

Труднее для реакции оказалось подавить революционную борьбу в Гамбурге. Здесь дело дошло до восстания, в котором выдающуюся роль сыграл будущий вождь Коммунистической партии Германии Эрнст Тельман. Два дня — 23 и 24 октября — рабочие героически защищали свои позиции против натиска полицейских. Однако гамбургское восстание оказалось изолированным. 25 октября восставшие объявили о конце сопротивления.

Классовые бои 1923 года кончились поражением немецкого пролетариата.

Не мудрено, что именно в кризисный 1923 год реакционная верхушка обратила свои взоры на нацистов. И Гитлер решил, что его час настал. Тем более, что перед глазами у него маячило заманчивое видение — поход Муссолини на Рим в 1922 году, т. е. всего лишь за год до описываемых событий. К этому времени за спиной фюрера уже стояло 56 тысяч баварских нацистов, не счи-

тая «резервов» — различных милитаристских организаций, всегда готовых примкнуть к любому путчу.

Гитлер делал тогда ставку на противоречия в самом реакционном лагере, в частности между баварскими правителями, зараженными сепаратизмом, и Берлином.

Осенью 1923 года общегерманское правительство потребовало «нормализации» в Баварии. Между прочим, берлинские власти приказали арестовать капитана Хейса и лейтенанта Росбаха — руководителей «фрейкора», а также Эрхарда, «героя» капповского путча, с которыми блокировались нацисты. Кроме того, была запрещена «Фелькишер беобахтер» — центральный орган НСДАП.

В ответ на это в Мюнхене было объявлено «осадное положение». Монархист Густав фон Кар, баварский министр-президент, был назначен комиссаром с диктаторскими полномочиями. Баварией стал править триумvirат: кроме Кара в него входили еще генерал Отто фон Лоссов, командир рейхсвера в Баварии, и полковник Ганс фон Зейссер — шеф баварской полиции. Триумvirат саботировал приказы Берлина. Наконец, 24 октября глава рейхсвера Сект отстранил Лоссова от командования и назначил на его место генерала Кресенштейна. После этого триумvirат окончательно взбунтовался: он объявил, что Лоссов останется на своем посту, и заставил войска принести специальную присягу баварскому правительству, что уже являлось прямым нарушением конституции. Тогда Сект предупредил, что в случае открытого неповиновения баварского правительства он пошлет в Баварию войска рейхсвера.

Гитлеру не внове было блокироваться с баварскими правящими кругами. После очередной антиправительственной речи он отправлялся на аудиенцию к правительственным чиновникам и вел с ними переговоры. Между прочим, за год до путча, когда Гитлера вызвал баварский министр внутренних дел и сказал, что, если нацисты попробуют устроить бунт, в них будет стрелять полиция, фюрер в волнении воскликнул: «Господин министр, даю вам честное слово, я никогда в жизни не устрою путча!»

Но, выступая в 1923 году на митинге, Гитлер кричал: «Наш долг — сказать, что, когда мы в ближайшее время захватим власть, мы выполним и другой долг — вздернем на виселицу

предателей, негодяев и изменников, ибо виселица давно плачет по ним!» При этом слушателям было ясно, что под «негодьями и изменниками» Гитлер подразумевал берлинских и мюнхенских политиков. И в то же самое время этот «бунтовщик» буквально не вылезал из приемных баварских министров, призывая их пойти походом на Берлин. Однако Лоссов, да и весь триумvirат, несмотря на явные симпатии к нацизму, боялись «похода»; после предупреждения Секта пыл баварских политиков заметно поостыл. Их тактикой было выжидание, а Гитлера это никак не устраивало.

С одной стороны на него давили его приверженцы, с другой — Гитлер хотел любой ценой получить известность, выделиться из толпы мелких политиканов, привлечь внимание более широких кругов крупного капитала к своей особе и к своей организации.

Однако при всем том Гитлер даже в тот период боялся идти на риск. И это наложило свой отпечаток на конкретные планы путча, которые до самого ноября 1923 года непрерывно менялись. Так, по варианту, предложенному Розенбергом и Шейбнер-Рихтером, нацисты должны были 4 ноября, в «день памяти павших героев», захватить во время военного парада Кара, Лоссова, Зейссера, а также баварского кронпринца Рупрехта и заставить их силой присоединиться к «революции». План этот провалился, ибо площадь, где проходил парад, оцепила полиция. И нацисты сразу же испугались. Тогда возник другой вариант: в ночь с 10 на 11 ноября (11 ноября была годовщина капитуляции Германии) собрать вооруженных штурмовиков неподалеку от Мюнхена и войти в город, поставив триумvirат перед свершившимся фактом. Однако, когда этот план был уже разработан, Гитлер прочел в газетах, что вечером 8 ноября на собрании в пивной «Бюргербройкеллер» перед промышленниками будет выступать Кар. На собрании должны были присутствовать также другие баварские политики. Гитлер решил, что это и есть самый благоприятный случай захватить всю баварскую верхушку и вынудить ее к «мятежу». Этот план был осуществлен и получил название «пивного путча».

8 ноября, примерно через полчаса после того, как Кар начал свою речь, в зал пивной вбежал Гитлер в сопровождении своих

ближайших сообщников и вооруженных штурмовиков. Полиции на этом сугубо штатском сборище почти не было. Тем не менее Гитлер заранее договорился, что те немногие полицейские, которых поставят следить за порядком, не будут чинить препятствий штурмовикам. Один из нацистов — Фрик, возглавлявший, как уже было сказано, баварское министерство внутренних дел, отдал соответствующий приказ полицейскому офицеру в «Бюргербройкеллере». Таким образом, Гитлер подготовил себе почву для «героических подвигов». С револьвером в руке он вскочил на трибуну и выстрелил в воздух. Так начался путч. Рядом с Гитлером стояли его секретарь Гесс и другой видный нацист Ульрих Граф. Входы в зал заняли вооруженные штурмовики, в вестибюль вкатили пулемет. Кар, по свидетельству очевидцев, побледнел и сошел с трибуны. На его место встал Гитлер и истерически закричал: «Национальная революция началась! Зал оцеплен шестьюстами вооруженными до зубов людьми! Никто не имеет права покинуть зал! Баварское и общеимперское правительства низложены! Образовано временное правительство! Казармы рейхсвера и полиции заняты нашими людьми! Рейхсвер и полиция выступают под знаменем со свастикой!»

Все это было, разумеется, блефом. Но блеф на сей раз удался. Приказав Кару, Лоссову и Зейссеру пройти с ним в соседнюю комнату, Гитлер принялся уговаривать триумвират возглавить нацистскую «революцию». Однако баварские политики не спешили давать свое согласие. Тогда Гитлер снова выхватил револьвер и закричал: «В моем револьвере четыре пули: три для вас, последняя для меня!» После этих слов он приставил револьвер к виску и воскликнул: «Если я завтра не стану победителем, то стану мертвецом!» Однако и это не помогло. Министры начали препираться с Гитлером. Но тут в мозгу фюрера возник еще один план, вернее, еще один обман. Он выбежал в зал и, вскочив на трибуну, заявил, что Кар, Зейссер и Лоссов уже организовали вместе с ним новое правительство. Закончил он эту речь так: «Предлагаю, перед тем как расправиться с преступниками, которые толкают сейчас Германию в пропасть, взять на себя руководство политической временного правительства. Его превосходительство Людендорф²³ берет на себя руководство немецкой национальной армией. ...Задача временного национального правительства...

выступить в поход против погрязшего в грехах Вавилона — Берлина и спасти немецкий народ... Утро увидит либо новое национальное правительство в Германии, либо нас мертвыми».

Таким образом, Гитлер дважды в этот вечер поклялся, что он либо победит, либо умрет. И притом на следующее же утро. Но до утра было еще далеко.

Далее события развивались так. Триумвират принес присягу временному правительству, и Гитлер отбыл из пивной. Лоссов, Кар и Зейссер тоже ушли, сказав, что им надо отдать соответствующие распоряжения для похода на Берлин. На этом кончился первый этап «пивного путча». Покинув «Бюргербройкеллер», баварские министры немедленно связались с частями рейхсвера, перевели правительство из Мюнхена в ближайший городок и велели расклеить прокламации следующего содержания:

«Обмен и ложь честолюбивых молодчиков превратили манифестацию национального возрождения в отвратительную сцену насилия. Вырванное у меня, генерала фон Лоссова и полковника Зейссера под дулом пистолета заявление равным счетом ничего не значит. Приказываю считать распущенными национал-социалистскую рабочую партию., а также союзы «Оберланд» и «Рейхскригсфлагге».²⁴

Фон Кар, генеральный комиссар».

Утром воззвания Кара уже висели по всему Мюнхену. Впрочем, их могло и не быть. Никакого путча а тем более национальной «революции» не произошло. Нацисты даже не захватили ключевые позиции в городе: полицей-президиум, вокзал, электростанцию. Телеграф и тот функционировал совершенно нормально и, между прочим, принял телеграмму Секта из грешного Вавилона — Берлина, адресованную баварскому рейхсверу. В этой телеграмме приказывалось подавить мятежников. Единственный, кто действовал в ночь с 8 на 9 ноября, был Рем и союз «Рейхскригсфлагге». Рем и его отряды захватили здание командования военного округа.

Ознакомившись с обстановкой, Гитлер предпринял дав акции: послал парламентаров от имени Людендорфа в казарму 19-го полка, чтобы установить контакт все с тем же триумвиратом.

Кроме того, он отправил гонца в замок кронпринца в Баварских Альпах, чтобы заручиться поддержкой его высочества. Однако обе акции окончились неудачей. Парламентариев арестовали, а гонец — лейтенант Нойнцерт, друг кронпринца, не сумел найти машину и отправился к Рупрехту поездом. К тому времени, когда он прибыл в замок, нацистскую «революцию» уже не мог спасти никто, даже баварский кронпринц.

Положение сложилось для Гитлера тяжелое, министры и «высочество» покинули его. На этом путч, возможно, и закончился бы, не будь в стане нацистов генерала Людендорфа. Людендорф был уверен, что одного его появления достаточно, чтобы рейхсвер и полиция, печатая шаг, двинулись за ним. Генерал предложил растерявшимся нацистам пойти к центру города, воссоединиться с Ремом, засевшим в здании командования военного округа, и совершить военный переворот. Гитлер долго колебался, прежде чем принял план Людендорфа, Один из иностранных журналистов описал эти колебания так: «Гитлер надел каску и сделал два шага вперед... Гитлер снял каску и снова вернулся в исходную позицию... Гитлер опять надел каску... Гитлер снял каску... Гитлер надел каску...» В конце концов Гитлер надел каску и вместе с тремя тысячами нацистов, собравшимися у «Бюргербройкеллера», направился к центру города: во главе колонны, кроме Гитлера и Людендорфа, шествовали Геринг, Шейбнер-Рихтер, Розенберг, Ульрих Граф, Вебер, Федер и Крибель. За ними ехал грузовик с пулеметами. Штурмовики были вооружены. Пройдя несколько сот метров, колонна остановилась. На мосту через Изар стоял полицейский патруль. Но Геринг выбежал из рядов и сказал, что в колонне находятся заложники — баварские министры и что, если колонну не пропустят, он, Геринг, перестреляет заложников. Нацистов пропустили, и они благополучно добрались до Мариенплатц, где в это время держал речь вождь нюрнбергских фашистов Штрейхер. Штрейхер и его слушатели присоединились к путчистам. К полудню колонна вышла на Резиденцштрассе, которая ведет к так называемой «Фельдхернхалле», то есть к пантеону с бюстами полководцев. За ней был Одеонплатц и здание, где сидел осажденный частями рейхсвера Рем. Конец узкой Резиденцштрассе заняли около 100 полицейских. Ульрих Граф выбежал вперед и закричал: «Не стрелять! С нами его превосхо-

дительство Людендорф и Гитлер». Это восклицание великолепно передавало рабское благоговение немецких нацистов перед высокими чинами. Однако на полицейских в данном случае «превосходительство» не подействовало. Они не собирались пропускать колонну. После недолгой перепалки раздался выстрел. Кто именно выстрелил — с полной достоверностью установить не удалось — не то Гитлер, не то Штрейхер. После этого началась перестрелка. На мостовую сразу же упали Шейбнер-Рихтер, который шел под руку с Гитлером, сам Гитлер (при падении он сломал себе ключицу), Геринг и еще несколько человек. Шейбнер-Рихтер был убит, Геринг ранен. Как оказалось впоследствии, нацисты потеряли 16 человек, полиция — трех. Стрельба продолжалась всего минуты две. После этого нацисты разбежались. Фюрер забрался в легковую машину, которая ехала в хвосте колонны. Один из нацистов, доктор Шульц, привез его в поместье семьи Ханфштенгль недалеко от Мюнхена.

Остальные участники путча вели себя по-разному. Людендорф и его адъютант прошли сквозь полицейскую цепь на Оденплатц, где их арестовали. Раненого Геринга его жена в тот же день переправила в Австрию. Туда же бежал и Гесс. Через два часа после бегства Гитлера капитулировал Рем. Его тоже арестовали. На этом кончилась нацистская «революция». Сто полицейских за две минуты обратили в бегство три тысячи хорошо вооруженных людей...

Вот каков был в действительности ход событий 8—9 ноября 1923 года. Но прошло всего несколько месяцев, и уже на февральском процессе путчистов в 1924 году Гитлеру удалось «подправить» истинную картину нацистского мятежа... Прошло еще десять лет, фашисты захватили власть в Германии, и история путча была фальсифицирована от начала до конца. Поражение изображалось как победа, трусость — как героизм, предательство Гитлера по отношению к своим сообщникам — как вечная верность...

Ежегодный праздник 8—9 ноября в нацистской Германии был кульминационным пунктом всех торжеств и церемоний. 8 ноября в Мюнхен свозили несметные толпы народа. Они заполняли все улицы и площади. У «Бюргербройкеллера» выстраивались колонны «старых борцов». Геринг командовал: «Колонна

старых борцов, шагом марш!» Гитлер становился в первую шеренгу. Перед ним шел Штрейхер со старым мюнхенским знаменем нацистов, которое получило название «знамя крови». За ним — «группа фюрера». Немного позади — «старые борцы», кавалеры «орденов крови». За ними рейхслейтеры, гаулейтеры, крейслейтеры и т. д. и т. д. На всем протяжении шествия, которое направлялось к Одеонплатц, тысячи барабанщиков выбивали барабанную дробь, а из громкоговорителей раздавался гимн «Хорст Вессель».²⁵ По пути следования колонны горело 240 светильников, на постаментах которых золотыми буквами были начертаны имена нацистов, погибших до 1933 года. Когда Гитлер подходил к очередному светильнику, он выкрикивал соответствующее имя. После того, как шествие добиралось до пантеона «Фельдхернхалле», начиналась самая торжественная часть церемонии под названием «последняя переключка». Флаги поднимались, марши смолкали. В полной тишине Геринг выкрикивал имена 16 нацистов, погибших в 1923 году, и юноши из гитлерюгенда (преимущество поколений!) отвечали: «Здесь!» Это означало, что шестнадцать брошенных Гитлером путчиков стоят на «вечном посту». К подножию пантеона возлагались огромные венки. И Гитлер произносил очередную речь. После этого мимо «Фельдхернхалле» проходили десятки тысяч людей, колонна за колонной. Процессия шла до глубокой ночи при свете факелов.

Особенно торжественным было это празднество в 1935 году, когда нацисты привезли на лафетах с кладбища в «Фельдхернхалле» шестнадцать эксгумированных трупов. Заключительная часть церемонии — переключка, оружейные салюты и т. д. — получила тогда официальное наименование «воскрешение из мертвых». Шестнадцать путчиков символически «воскресали из мертвых» и вставали на «вечный пост». На следующий день после этой мистической церемонии «Фелькишер беобахтер» писал: «Он (Гитлер. — Авт.) стоит неподвижно перед саркофагами. Человек, который уже перешагнул все пределы земного...»

Так выглядела легенда фашистской «революции», одна из многих легенд, которыми нацисты окружили свое бесславное прошлое. Создавая эту легенду Гитлер следовал пропагандистским рецептам, которые он обнародовал уже ««Майн кампф» чем наглее ложь, тем больше шансов, что тебе поверят.

Вернемся, однако, к событиям, последовавшим за «пивным путчем».

26 февраля 1924 года в Мюнхене начался суд над главными участниками путча. Он продолжался 24 дня и кончился смехотворным приговором — Людендорф был оправдан, все остальные обвиняемые (всего их было десять), в том числе и Гитлер, получили минимальные сроки тюрьмы. Между тем в обвинительном заключении было сказано, что все обвиняемые привлечены к суду как изменники родины.

Чем же объяснялось такое явное попустительство тогдашних властей по отношению к Гитлеру и его сообщникам?

Прежде всего, особенностями баварской юстиции. Возглавлял ее нацист Гюртнер. После 1933 года Гюртнер, как уже говорилось, стал нацистским министром юстиции. Уже этот факт являлся гарантией безнаказанности путчистов. От Гюртнера зависел и состав суда, и состав присяжных. Но это еще далеко не все. Главные свидетели обвинения Кар, Лоссов и Зейссер были ярые реакционеры, к тому же еще замешанные во всех комбинациях фюрера. По существу они сами должны были сидеть на скамье подсудимых.

В этих условиях уже с самого начала было предreshено, что Гитлеру будет дана на суде широкая трибуна и что он станет «героем» в глазах реакции, напуганной, пусть недолгой, победой рабочих в Тюрингии и Саксонии, успехами трудящихся в Гамбурге, Берлине и других немецких городах.

Усилиями реакции вокруг процесса был создан большой шум. Все немецкие газеты прислали в Мюнхен своих корреспондентов. Приехали корреспонденты и из-за границы. Словом, фюреру было обеспечено «паблисити», о котором он раньше даже не мечтал. Конечно, героем на этом процессе должен был стать Людендорф, кумир всех реакционных сил Германии. Тем более, что как раз «его превосходительство», единственный из всех путчистов, не испугался полицейской цепи. Но Гитлеру удалось оттеснить Людендорфа на задний план и сыграть главную роль.

Основная задача Гитлера заключалась не в том, чтобы защитить собственную персону (с самого начала ему было ясно, что ей ничего серьезного не грозит), а в том, чтобы использовать суд для пропаганды фашизма. И никто его не одернул. Зато Гитлер

прерывал и обрывал свидетелей, устраивал им перекрестный допрос, обращался непосредственно к публике. Вся его демагогия отлично «проходила» на процессе — фюрер бил себя в грудь кулаками и кричал, что он не изменник родины, а «истинный патриот», который хочет «счастья своему народу».

Но главным козырем Гитлера, обеспечившим ему успех не только у публики, сидевшей в зале, но и у реакции во всей Германии, был его антикоммунизм. Напуганная веймарская буржуазия, сами судьи и обвинители приветствовали Гитлера²⁶ за то, что он выразил их ненависть к левым силам, их страх перед этими силами. «Я хочу быть искоренителем марксизма», — заявил Гитлер. И дальше он заверил реакцию, что создал для этой цели целую «армию» — дикие орды, которые потом «будут превращены в батальоны, из батальонов в полки, из полков в дивизии». И что эти дивизии будут маршировать вместе с рейхсвером. «Настанет день, когда рейхсвер будет стоять под нашими знаменами», — сказал Гитлер. Этой программе могли аплодировать не только эсэсовцы, мюнхенские реакционеры, но и реакционеры во всей Германии, ведь Гитлер объявил, что он создал батальоны «черной сотни», которые вместе с батальонами рейхсвера готовы задушить левые силы, подавить революционное движение.

Гитлер был приговорен к пяти годам заключения в крепости, что являлось минимальным наказанием по статье «измена родине». И все же подобранные Гюртнером присяжные потребовали смягчить приговор. Тогда председатель суда заверил, что Гитлер будет помилован в кратчайший срок. Так оно и произошло.

«Майн Кампф»

В ландсбергской крепости Гитлер пробыл всего лишь с ноября 1923 по декабрь 1924 года. Режим в этой тюрьме не только не напоминал режим в застенках, куда нацисты после прихода к власти бросали своих политических противников, но и вообще не имел ничего общего с порядками во всякого рода исправительно-карательных заведениях. Гитлер и другие узники пользовались столькими благами, сколькими они, пожалуй, не пользовались в ту пору на воле: их отлично кормили, в тюрьме был оркестр, издавалась газета, у особо важных заключенных были свои денщики, которые приносили им завтрак прямо в постель.